

ГЕМОДЫ НЕ СМОТРЯТ В НЕБО

Ольга Кай

Ольга Кай

Гемоды не смотрят в небо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38570514

ISBN 9785449350442

Аннотация

«Универсальный помощник для бытовых и прочих повседневных нужд» отличается от человека лишь стандартным дизайном внешности и отсутствием эмоций. Люди по-разному относятся к гемодам: кто-то их очеловечивает, кто-то видит в них бытовую технику, кто-то – пищу для гурманов. Тем временем в лабораториях экспериментируют с переносом личности, и появляется гемод, который помнит себя человеком...

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	27
Глава 3	54
Глава 4	64
Глава 5	73
Глава 6	87
Часть вторая	108
Глава 1	108
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Гемоды не смотрят в небо

Ольга Кай

*с любовью и благодарностью – тому, без кого
многие мои истории не были бы написаны, соавтору
и вдохновителю:
моему мужу*

Дизайнер обложки Анна Дербенёва

Иллюстратор Анна Дербенёва

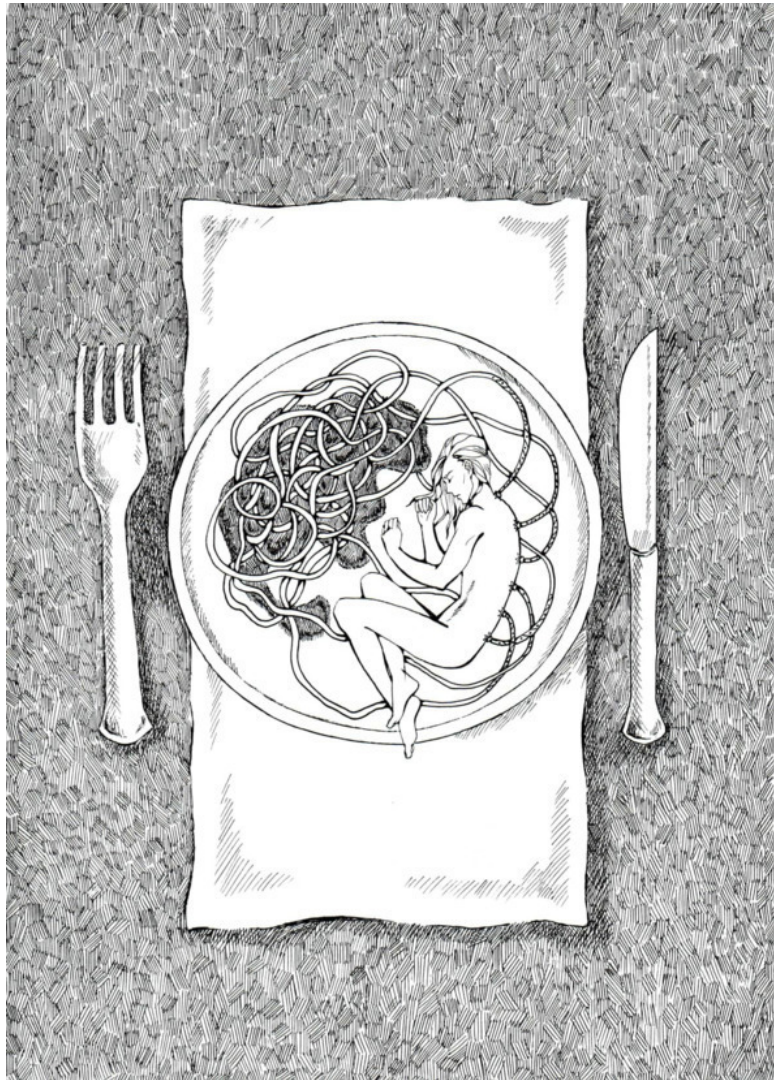
© Ольга Кай, 2018

© Анна Дербенёва, дизайн обложки, 2018

© Анна Дербенёва, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-5044-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Экспериментальный образец А-46

Глава 1

– Что скажешь, Рик?

В проулке тесно из-за огромных мусорных баков и перегоревшего проезд серого полицейского фургона. Двери входа на ресторанный кухню распахнуты, рядом валяются опрокинутые ящики с овощами. Все еще зеленый Макс держится за стену, вытирает рот салфеткой и шумно переводит дыхание. Пот градом катится по щекам и массивной шее, взмокшая рубашка липнет к телу.

Не повезло ему. Хорошо, я не успела позавтракать, а то, чего доброго, составила бы ему компанию. Зато Рик сохраняет невозмутимость, как и всегда.

– Какая именно вам нужна информация? – осведомляется он.

Окидываю Рика взглядом: стандартные метр девяносто два, штампованное лицо, бледная кожа и неестественно-белые, словно капроновые, волосы. На темно-сером комбинезоне – нашивка: «муниципальная собственность».

– Что ты думаешь об этом, Рик? Ведь там убили твоего

собрата.

– Порча частного имущества является незаконным действием и подлежит...

– Заткнись, жестянка! – подошедший Макс раздраженно толкает Рика в плечо. – Марта, слышала? Порча имущества, нихрена себе!

Рик, конечно, не жестянка: физиологически он отличается от человека лишь тем, что был не рожден, а сразу, за несколько месяцев, выращен в эти вот метр девяносто два. Как и миллионы его «собратьев». Но Рик не обижается – не умеет.

– Порча имущества! – Макс оглядывается на дверь черного хода: там, в подсобке ресторанной кухни, теперь работают полицейские эксперты, ребята со стальными нервами. Им ведь еще определять происхождение гуляша в кастрюле на плите. Хотя, судя по найденной в холодильнике беловолосой голове, результат экспертизы предсказуем. – Так они и до людей доберутся, каннибалы... тьфу!

– Слово «каннибал» имеет иное значение, – Рик настаивательно поднимает указательный палец. – Насколько можно судить по имеющейся у нас информации, явление каннибализма не имело места. Присутствует порча частной собственности и нецелевое использование...

Макса снова мутит. Он машет рукой, и Рик благоразумно затыкается. В это время оперативники группы Векшина выводят «повара»: долговязый мужик идет, не поднимая голо-

вы. С виду-то обычный человек: в чистом кухонном кителе, сменных тапочках, только шапочку посеял где-то, да на скуле след тяжелого кулака. Это, наверное, сгоряча кто-то, им нельзя на самом деле. Скажут потом, что сам о лутку приложился, и я их, честно говоря, винить не буду.

Векшин выходит последним, оглядывается на нас с Максом, недовольно морщится, отчего старый шрам на его щеке дергается, белеет. Костя знает меня давно: в одном подъезде жили, вместе по деревьям лазили.

– Ну, довольны? – скользнув взглядом по Макс, он смотрит только на меня, будто это именно я виновата в сегодняшнем происшествии.

Тема универсальных помощников сейчас на пике, и мне часто приходят заказы на тексты. Но если я и писала о том, как удобно использовать их на кухне, то не в этом же смысле!

– Ты полегче, – Макс пытается его осадить, но по тону получается скорее просьба. – Мы-то тут при чем?

– Ни при чем, значит? – усмехается Костя. Под утренним солнцем его коротко стриженные каштановые волосы кажутся почти красными, а перекосившийся шрам придает злобный вид. – А я все жду, когда кто-нибудь об этом напишет! – он кивает на двери. – Есть ведь отдел убийств, а повесили на нас. Почему, а?

– Прошу прощения, – встревает Рик. – Отдел убийств не может заниматься подобными делами. Убийство – это уголовно противоправное лишение жизни другого человека,

а в данном случае...

– Заткни его! – Костя даже не злится и, махнув на нас рукой, уходит к своим.

Над городом висит смог. Машина с министерскими номерами едет по сонным, оцепеневшим от зноя улицам. Я на переднем пассажирском. За рулем – Рик. Макс быстро оценил водителя, который не устает и не отвлекается на дороге, и теперь почти не водит сам.

– Не надо было ехать, – устроившись на заднем сидении, Максим расстегивает несколько пуговиц рубашки. Эти рубашки ему покупает жена: все словно из гардероба моего дедушки. На каком-нибудь моднике сошло бы за винтаж, но упитанный Макс в них похож на Карлсона, только пропеллера не хватает. – Векшин и сам справился, а мне хватило бы фотографий, с головой.

– Не вечно же тебе в кабинете сидеть, – хмыкаю. – Иногда и поработать приходится.

– Выезд на подобные случаи входит в круг ваших рабочих обязанностей, – соглашается Рик.

– Только твоего мнения не спросили, – бурчит Макс.

Зря он так. Рик старается. Он уверен, что поддерживать беседу – хороший тон, однако получается у него это... своеобразно, так скажем.

– Я на эту работу устроился как раз для того, чтобы побольше в кабинете и поменьше вот этого, – Максим вздыха-

ет. – Надо бы пищу заказать, а? С утра не ел, да и то...

Замолкает. И верно: какая тут еда? Мутит до сих пор от увиденного. В машине душно, кондиционер не спасает. А в городе пробки, проспект почти встал – когда еще доберемся? У нас есть мигалка: оранжевая, правда, но народ на всякий случай пропускает. Только включать не положено, законопослушный Рик против.

Отвернувшись к окну, я смотрю на бледное отражение в стекле: с треугольным лицом и светлыми волосами, собранными в куцый хвост. Стаскиваю резинку. Тру занемевший затылок. За стеклом все кажется серым: мое отражение, стены зданий, бетонные заборы... даже листва на деревьях словно пеплом притрушена. Люди какие-то сонные, приторможенные – чисто мухи осенью. В потоке прохожих явственно выделяются высокие фигуры с белыми волосами: идут куда-то по делам хозяев, спокойные, энергичные. Им ни зной, ни пыль нипочем. Им все равно.

Первый «универсальный помощник для бытовых и прочих повседневных нужд» был презентован корпорацией «Гемод» года три назад, с тем же узнаваемым дизайном: сероватого оттенка кожа и неестественно белые волосы – главная отличительная черта. Универсальные помощники сразу позиционировались как недешевое удовольствие, но, невзирая на это, спрос на них постоянно рос, и с тех пор гемоды появились везде.

Телохранители – пожалуйста. Сотрудники элитного бор-

деля – да не вопрос! А также няньки, сиделки... и просто мальчишки на побегушках. Как Рик, например. Послушный и безотказный. Искусственно выращенное существо, напроць лишенное эмоций. Да, этот высоченный беловолосый парень в комбинезоне – всего лишь удобный интерфейс программы, очень полезной, если нужно сопроводить сотрудника в неблагополучном районе или обеспечить передачу данных с гарантией от утечки.

Пробовали запустить линию гемодов женского пола: пышные формы, низкий грудной голос, глаза как у буренки – мечта! Но активистки правозащитных организаций увидели в них сексизм и ущемление, разгорелся скандал, идея зачахла на стадии разработки.

Популярность универсальных помощников привела к тому, что при министерстве социальной политики появился целый Отдел по делам искусственных организмов с одним единственным сотрудником в лице моего одноклассника Максима Гаева. И ценного объекта муниципальной собственности по имени Рик. Формально я числюсь там же, на ползарплаты. Уж не знаю, с кем договорилась моя бывшая начальница из отдела кадров, но вторая половина зарплаты уходит кому-то из ее знакомых, «нужных людей». Плата за гибкий рабочий график.

Вторые ползарплаты за меня получает Макс. Ему сейчас нужнее, а блог и другие тексты на заказ все равно приносят больше. Зато остается трудовой стаж на госслужбе, контакты

и доступ на рабочее место. И, конечно, возможность эксплуатации Рика: весной вон маман просила ей участок перекопать да засеять – Рик вместе с маменькиным Ксо справились за день. Быстро и бесплатно.

– На допросы поедешь? – голос Макса выводит из задумчивости.

После допросов сотрудников подпольного цеха, который накрыли на той неделе, и еще пары таких же кухонь в подсобках, вряд ли этот задержанный скажет что-то новое. А если и скажет, то лишь потому, что Векшин, в отсутствие наблюдателей вроде нас, не будет слишком уж следовать правилам.

– Не. Подожду, пока тебе Костя протокол пришлет. Ты же скажешь, если что-то интересное?

Он имеет право отказать: тайна следствия и все такое, а Макс у нас все-таки начальник отдела. Но его жена через меня витамины для беременных достает и косметику с приличной скидкой. А я, хоть и блогер, информацию еще ни разу не слила. Мне больше для себя, для понимания. Чем полнее видишь картину, тем лучше получаются заметки даже на темы, казалось бы, не связанные. Тем больше денег на счет: и за рекламу, и в качестве «спасибо» от читателей. Гемоды – тема популярная.

А скоро вообще взлетит: информация о подпольных цехах просочится рано или поздно.

– О, нет! – жалобно вздыхает Макс на заднем. Обернув-

шись, я застаю его пролистывающим виртуальный ежедневник. – У меня на сегодня пострадавшие записаны. С обеда.

– Уже заждались, наверное, – усмехаюсь. – Так что не расслабляйся, у кого-то сегодня будет очень длинный день!

– Ты умеешь ободрить, – Максим страдальчески закатывает глаза. Вздыхает: – Поможешь, а? А то мне с ними разговаривать... Эй, Рик! Радио включи!

Гемод щелкает кнопкой.

– ...открытие выставки пищевой промышленности, – вырывается из динамиков голос диктора новостей. – Во время торжественного мероприятия глава областной администрации заслушал обращение людей с особыми пищевыми потребностями. Граждане, которые в силу общественного давления и недостаточной законодательной базы по этому вопросу не могут позволить себе употребление в пищу искусственных организмов, известных как гемоды, просят предоставить им равные права с вегетарианцами, сыроедами, любителями корейской, японской кухни и прочими особо ориентированными в питании группами...

Выключаю. Оборачиваюсь к Рику:

– Будь человеком, поставь мигалку!

* * *

В Министерстве спокойно и тихо. До тех пор, пока не поднимаемся на восьмой этаж. Хорошо еще, что холл с диванчиками и пальмой, обязательным атрибутом всех госучре-

ждений, находится недалеко от нашего кабинета: все диваны заняты, да еще кто-то кресла принес.

– Прошу прощения, был экстренный выезд. – Оглядываюсь: а людей больше, чем ждали! – Всех примем, не волнуйтесь! Сперва те, кто по записи, пожалуйста!

Кабинет у нас большой: три стола с ноутбуками, полки, шкаф. Ведомства давно перешли на электронный учет, но на столе Макса постоянно бардак: бумаги из архива, какие-то распечатки, почеркушки... Зато мой стол чистый – я ж за ним не работаю, только кофе пью иногда.

У Макса беседовать с посетителями не получается: он тщится изобразить участие – они злятся. Что ж, сегодня ему повезло! Вытаскиваю ноутбук на стол – для имитации рабочего процесса, а заодно сведения уточнить. Усаживаюсь в кресло. Мне сложно выглядеть внушительно с невысоким ростом и блондинистыми волосами до плеч. Отчасти положение спасает строгая белая рубашка: ношу ее просто с джинсами – благо, пока для входа в министерство не установлен дресс-код.

Макс косится на часы. Ему домой, там жена беременная. Торопится. Наскоро поправив волосы, я киваю Максу:

– Приглашай!

Первой в кресло напротив опускается ухоженная пожилая дама. Прислоняет к подлокотнику трость с набалдашником в виде птичьей головы. Не перебивая, выслушивает и некоторое время молчит, глядя в точку над моим плечом. Потом

судорожно всхлипывает:

– Как же... как же теперь...

Ее гемод был медбратом-сиделкой. Останки его нашли в холодильнике подпольного цеха четыре дня назад.

– Не беспокойтесь, пожалуйста. По медицинской страховке вам обязаны выделить нового.

Женщина качает головой, и я замечаю в выцветших глазах слезы.

– Как же... Вот как так можно? За что его убили? Он же никому ничего плохого не сделал! Он же...

Еще один глубокий вздох. Махнув на меня рукой – да, эта бесчувственная молодежь все равно ничего не понимает! – дама поднимается и, опираясь на трость, торопливо идет к выходу. А спустя минуту в кресло плюхается дядька с широченной физиономией, лоснящейся от пота.

– Почему мне отказывают в возмещении ущерба? Это была моя собственность! Моя! Или государство уже не защищает права собственника? Почему, я вас спрашиваю? Я подам в суд на компанию! На вас! Вот именно на вас, да-да!..

И ему, и нескольким следующим приходится долго, осознавая всю бессмысленность этого занятия, объяснять, что если гемод не был застрахован от кражи, то компенсацию они могут получить только с того, кто кражу совершил. Конечно, у них есть право обратиться в суд. Да, по поводу возмещения ущерба. Да, с иском к ООО «Гемод» тоже – обращайтесь, хотя вряд ли... Да, и с жалобой на меня лично тоже.

И на Максима Юрьевича. И на Рика... хотя с него-то какой спрос?

«Куда полиция смотрит! На наши деньги живете, а нихрена не делаете! Вот наберут же таких! Знаем мы, каким местом вы здесь работаете!» – это пусть, это – легкие посетители.

Солнце опускается, рыжие лучи пробираются сквозь щели в жалюзи.

– Заходите, пожалуйста, – объявляет Макс, выглянув в коридор, и шепотом сообщает: – Последние.

Я их помню: владелец крупной строительной компании и его десятилетняя дочь. Пропавший у них гемод был сопровождающим девочки, но, как это нередко случается с детьми, маленькая хозяйка не смогла считать его вещью. И теперь мне предстоит сообщить, что ее лучший друг не вернется.

– Я куплю тебе нового, завтра же! – обещает растерявшийся отец, пытаясь обнять девочку, которая вырывается и ревет в голос. – Он будет точно таким же, вот увидишь!

Другой ей, конечно же, не нужен.

– Вот, Рик, – закрыв за ними дверь, я оборачиваюсь к гемоду, – вы слишком похожи на людей, чтобы все могли воспринимать вас исключительно как вещи.

– Это всего лишь внешнее сходство. Недальновидно так привязываться к имуществу, – отвечает Рик.

Мы с Максом покидаем здание в числе последних. Рик остается: у него раскладушка в кабинете, уборная и душ есть на этаже, а больше удобств гемоду и не надо. На завтрак в столовую спустится: для него особое сбалансированное меню готовят. Одно время я удивлялась, что из-за Рика так заморачиваются: и поселили в кабинете, и кормят. Потом только поняла, что дорогая игрушка для руководства повод утереть нос коллегам: не каждое муниципальное ведомство может позволить себе гемода! Министерство тоже не может, по правде: Рик отделу достался от компании-производителя совершенно бесплатно. Кажется, его деятельность здесь сродни забиванию гвоздей микроскопом. Но, скорее всего, мы просто мало знаем об экспериментах компании «Гемод», в которые неприметная роль Рика вписывается вполне.

* * *

– Ксо, принеси палку!

Маман доставляет удовольствие смотреть, как здоровенный Ксо несется за палкой, словно болонка. С готовностью. С услужливой улыбкой. Опускается на четвереньки, подхватывает палку зубами, прямо с газона. Вместе с травой и земляными комьями. За белоснежные волосы цепляются сухие былинки и опавшие листья.

Маман смеется:

– Ты погляди, погляди!

Ксо подбегает и садится перед ней: чисто болонка! Только

огромная. Человекоподобная болонка. И я ухожу в дом.

— Ну чего ты, чего? — мать заходит следом, кряхтя, усаживается в кресло. Машет гемоду, который замешкался на пороге: — Ксо! Умойся, давай, и чаю! Скорее! И пульт... где пульт?

Она так и не привыкла к браслетам-коммуникаторам, виртуальным экранам и прочим технологическим новинкам. До сих пор по старинке хранит десять пультов от разных устройств и противится установке интерфейса «умный дом». Зато оценила интернет-магазины с доставкой к дверям. И гемодов.

— Ох, ну вот же он! — радостно восклицает маман и щелкает пультом.

— ...отчитались о завершении ремонта речного вокзала, — разносится бодрый голос диктора. — Уже скоро жители и гости города смогут...

С кухни долетает аромат чая с жасмином. Именно то, что надо, чтобы перебить в воспоминании запах свежеприготовленного мяса.

Четверо выведенных из строя гемодов на этой неделе. С начала месяца — двадцать шесть. Двое по вполне прозаичным причинам. Первого сбила машина, и водитель спрятал тело, чтобы не возмещать убытки. Второго банально украли, но гемод запрограммирован слушаться только хозяина и не нарушать закон. Его избили и выкинули, так ничего и не добившись. Скончался от внутреннего кровоизлияния —

слишком поздно его нашли. Остальные... Подпольный цех на окраине и две подсобки-кухни, вот как сегодня.

– В сложившейся ситуации мы видим ущемление наших прав, – в телевизоре темноволосый мужчина в шведке нежно-сиреневого цвета озабоченно говорит в подставленный микрофон, люди вокруг него то ли поддерживают, то ли просто очень хотят попасть в кадр, а на заднем фоне виднеются торговые павильоны. – У поклонников корейской кухни есть собачьи фермы, где выращиваются животные для определенных нужд. Не вижу причины, по которой нельзя подобным же образом выращивать гемодов. Тем более что потенциальные клиенты подобного производства – люди интеллигентные и утонченные, готовые хорошо оплачивать поставляемую продукцию при условии надлежащего качества.

– Ваш чай, пожалуйста, – Ксо ставит на стол поднос и принимается расставлять чашки. Поправляет выбившуюся из-под заколки белоснежную прядь – матери не нравится, когда он на кухне с распущенными: натрусит еще в еду. – Прошу прощения, Марта, вам сахар или мед?

Останавливаю жестом – сама положу. На экране телевизора тем временем снова студия:

– Официальный ответ на обращение в администрации обещают дать в ближайшие дни...

И снова мне мясом пахнет.

– Ма, может, выключим?

– Да пусть! – маман подтягивает к себе вазу с печеньем. –

Пусть. Надо же знать, что в мире делается.

Знать она не будет, ей для фона. Чтобы чем-то заполнять тишину пустого дома. И Ксо ей затем же. В отличие от многих клиентов корпорации, она быстро усвоила, что Ксо – не человек, и именно это ей, пожалуй, нравится: человек бы не стал безропотно сносить тычки и выполнять глупые прихоти, вроде этих вот игр с «принеси палку».

– Что там у тебя на работе? – интересуется маман словно между прочим, доедая печенье. – Как Максим?

О моей настоящей работе она не знает: не хочется выслушивать каждый раз нотации о том, как надо держаться за должность при министерстве и не тратить время на глупые писульки. Про заработок ей тоже не объяснишь – не поверит. Придумает мне богатого покровителя, а там поди знай: обрадуется или, опять же, предостерегать начнет?

– Нормально. Готовится стать отцом.

Она кривится, вздыхает:

– С Маринкой своей? Ну ты гляди, какова ж вертихвостка! Сиськи, жопу отрастила – а что, мужику больше и не надо! Теперь совсем его привяжет, да.

У нас с Максом никогда ничего и быть не могло, но у маман исключительно собственническое отношение ко всем особям мужского пола, которые имели несчастье попасть в ее поле зрения.

– А Векшин как? Ну тот, из полиции? Ни с кем не встречается, а? Ты гляди, гляди, и этого проворонишь!.. Ксо, чай-

ник холодный! Подогрей!

Я качаю головой: привыкла уже. Маман пытается поженить меня с каждым встречным. Недавно соседу-пенсионеру сватала – я едва со стыда не провалилась. А она: «И что? Тебе ж его не варить? Ха-ха! Зато вдовец, детей нет, дом большой, и денег лопатой... Чего, скажешь, в свои двадцать пять лучше найдешь?»

За окном уже почти стемнело, зажглись фонари у дороги, над крылечками. В этом районе дома только частные, с опрятными лужайками и клумбами. Детские площадки, сквер с лавочками и озерцом, хорошая школа и садик с новыми методиками – по западному образцу. Один из лучших районов города. Мать переехала сюда уже после развода: отец денег дал и на дом, и на всякие излишества вроде гемода. Откупился, в общем, спихнул мать на меня, чтобы жить с новой семьей подальше отсюда, не вспоминая о прошлом. Честно говоря, его сложно за это винить.

– Ксо, ты не видишь что ли, он же опять холодный! Вот бестолочь! – маман сдергивает полотенце со спинки стула и раздраженно хлещет гемода по рукам, по лицу. – Бестолочь! И за что я тебя кормлю, а? Бестолочь! Только заварку перепоганил. Живо свежий завари!

– Ма, перестань!

– Да ну его! – и провожает гемода хлестким ударом пониже спины.

А я начинаю собираться.

Гемоды – прекрасные помощники по дому. Вот Ксо – он и еду приготовит, и покупки принесет, и напомнит о лекарствах, даже укол сделает. И врачу позвонит, если у маман вдруг сердце прихватит или еще что случится. В общем, идеальный уборщик, сантехник, повар.

Некоторые идут дальше, их несложно понять, но... Находясь в материнном доме, я опасаясь заметить то, что не для моих глаз предназначено, и заблаговременно ухожу, никогда не оставаясь на ночь.

* * *

– Приветики, Марта! – Лидка звонит, когда я уже выхожу из метро. – Ну что, все в силе? Едешь с нами?

Она меня уже давно хочет в новый модный клуб вытащить. Мне и надо бы – как раз напишу о нем, может. Но после сегодняшнего утра, долгих разговоров с потерпевшими и чаепитием у матери хочется забраться в уютную постель и наслаждаться тишиной и одиночеством.

– Давай в другой раз, а?

– Я так и знала, – вздыхает Лидка. – Ну, ловлю на слове! Завтра я в «Черную рыбу», там интересная дискуссия будет, что-то про стереотипы... Пойдешь?

«Черная рыба» – это арт-кафе в центре. Кроме того, чтобы чай попить, можно и книги полистать, и с интересными людьми познакомиться. Встречи проводят с публичными персонами, дискуссии на актуальные темы. Занятное ме-

стечко, атмосферное.

Договариваемся встретиться без пяти шесть рядом с этой самой «Рыбой». Ставлю напоминалку себе – с этой работой немудрено забыть! И, наконец, домой.

В лифт со мной заходит Лилия Васильевна, давняя мамина знакомая. У нее на руках – патлатая шавка с кривыми лапками. Соседка и ее собачка меряют меня поразительно похожими взглядами, полными презрения. От избытка чувств собачка то и дело фыркает.

Они выходят на седьмом, и лифт бесшумно едет дальше, на восемнадцатый этаж. Захожу в квартиру, некоторое время стою у огромного окна, любуюсь следами отгоревшего заката на небе и огнями далеко внизу, наблюдаю, как за рекой собираются тучи – ночью будет гроза. Потом только включаю свет: по старинке, клавишей. Решила оставить себе такую возможность, потому что иногда слишком хочется тишины, чтобы нарушать ее голосовыми командами.

Ставлю чайник, развожу какао из порошка. Открываю новости: нет, пока о подпольных цехах ни слова. А я обещала Векшину молчать... Ух, как же обидно! Вот сенсация будет! Жаль только, не моя.

Пищит браслет-коммуникатор. Обычно я его снимаю на ночь, как и наушник, но еще не успела.

– Не спишь еще? – усталый голос Макса. Где-то, фоном, его жена шумит посудой, и он старается говорить тише:

не нравится Марине, когда он из дому звонит по работе. – Векшин протоколы прислал. Ничего такого... Был спрос, решили срубить бабла по-быстрому.

– Мне перекинешь?

– Ну... – мнется.

– Ладно. Не надо. Спасибо, что сказал.

– Там это... мне только что Аверина звонила.

Анна Юрьевна Аверина – ведущий специалист корпорации «Гемод», одна из создателей универсальных помощников. Дама чрезвычайно занятая. Вот уже которую неделю я жду, чтобы она рассмотрела мою заявку на посещение производства.

– Чего хотела?

– Да спрашивала, какие новости, – вздыхает Макс.

Ясное дело, хороших новостей нет. Только лучше б она начальству звонила или Векшину: Максим-то бумажками занимается, от него поиск гемодов не зависит.

– Странно, что в такое время... Но она ж у нас великий ученый, часов не замечает.

– Угу, – соглашается Макс. – Хотя мне показалось, у них там что-то случилось. Она нервная была какая-то.

– Да она всегда нервная!

– Ну... да, наверное. Ладно, пойду я, а то Маришка там... Пока.

Но я успеваю услышать Маринкино обвинительное «Маа-акс!» до того, как он нажимает «отбой».

«Мы реагируем на гемодов по-разному. В основном их научились замечать лишь тогда, когда они нужны – будто мебель. Вы ведь не цепляетесь взглядом за рабочее кресло – просто знаете, что оно есть. Просто подходите и садитесь. Но люди частенько наделяют вещи своими чертами. Так бабуля отчитывает телевизор, за то, что сломался, или шикает на дверной замок в надежде, что он послушается и не щелкнет. Так я ругаю последними словами лэптоп, когда он, зараза, вдруг виснет.

С гемодом все еще запутанней: глядя в человеческое лицо, очень сложно не «наделять». Не воспринимать. Не сопереживать».

П.П.

Глава 2

Вечерняя жизнь города кипит на небольшом пространстве: четыре торговых центра и площади, улицы между ними. Кто еще не пресытился прогулками – ходят вдоль широкого проспекта. Веранды кафе заполнены. Шумно вокруг: музыка, голоса, автомобили. Свет огней акварельными пятнами растекается по мокрому асфальту. И тут же, в квартале от этого кипения-бурления – тихие, почти безлюдные улочки со старыми домами и арками, ведущими, словно в другой мир, в уютные тесные дворики. На одной из таких улочек и располагается «Черная рыба». Найти ее вечером, не зная заранее, мудрено: ступеньки в подвал, вывеска без подсветки. Но проезжает машина, отсвет фар скользит по боку плоской металлической рыбы, прикрепленной к стене.

– Марта, привет! – Лидка подбегает, на ходу сворачивая виртуальный экран. Отчаянно стучат высоченные каблуки – удивительно, как она ухитряется не смотреть под ноги и при этом не перецепляться на каждом шагу! Блестящие локоны, яркие губы. Лидка обнимает меня, звонко чмокает возле уха – не взаправду, тоже почти виртуально. – Чего не заходишь? Меня ждешь? Фух, сейчас я дыхание переведу, а то запыхалась... Ну все, идем!

Под ее критическим взглядом я одергиваю жакет – дань «утонченному обществу» и прохладному вечеру – и первой

спускаюсь к двери.

Мягкий перезвон колокольчиков возвещает о нашем при-
бытии. Посетители оборачиваются, чтобы скользнуть взгля-
дами и тут же вернуться к своим делам, разговорам, разгля-
дыванию книг на полках, картин на стенах, кофе в компа-
нии и без. Только сидящие в соседнем зале – те, кому видно
входную дверь – глазят с любопытством.

– Вы на встречу? – выглядывает хозяйка «Черной рыбы»,
Иванна – высокая рыжеволосая женщина в громоздких оч-
ках. – Проходите. Мы скоро начнем. Пока можете книжки
полистать. Захотите чая или кофе – подходите к стойке.

Ненавижу места, в которые нельзя зайти незаметно и рас-
твориться. «Черная рыба» – из таких. Сразу ощущаешь себя
чужеродным элементом в некой давно устоявшейся системе:
сюда ходят, в основном, одни и те же люди, хотя в последнее
время все больше новичков. Помнит меня Иванна или нет –
не знаю, но виду не подает. Я прихожу изредка на встречи
или презентации, когда собирается немало людей. Но такие,
как я, обычно не возвращаются.

Лидка заваривает чай и уходит в соседний зал. Слышу от-
туда высокие ноты ее смеха.

Раньше в «Черной рыбе» была выставка работ о суициде:
картины, фото. Изречения – черным маркером на криво ото-
рванных листах. Висели вороны чучела – к счастью, кажет-
ся, не настоящие. Я еще писала об этом, только статью так

заминусовали, что ее быстро из топа выкинуло. Иванна тогда возмутилась критике. Экспозиция, мол, – это отражение определенного пласта культуры, и вообще: не стоит слишком серьезно относиться к подобным вещам.

Экспозиция сменилась, и мне интересно поглядеть, какие пласты культуры отражают в «Черной рыбе» теперь. Подхожу к ближайшей картине: сердце, нож, кровь, руки, бокал с алым – кровью, видимо? Подпись: «Любовь». Неожиданно, да.

Следующее произведение: крупные мазки, темная краска – синяя, черная. Угадывается человек, лежащий в ванной. На его руке – ярко-красная полоса. Красные капли стекают по пальцам, постепенно чернея, и расплываются лужей. Подпись: «Скука».

Подходит еще одна посетительница, останавливается в паре шагов. На первый взгляд она лет на пять меня младше. Одета забавно: слоями – брюки, платье, блуза, рубашка, жакет, да еще, словно этого мало, объемный шарф, из которого ее коротко стриженная голова выглядывает, как булавочная головка из подушки. Постояв, посмотрев задумчиво на картину, девушка идет к следующей.

Полотно под названием «Осуждение»: человеческая фигура, едва намеченная все теми же крупными мазками, стоит на четвереньках, пронзенная черными полосами.

Дальше: человек, словно разрезанный вдоль, раскрывающий себя руками, заглядывающий внутрь, во внутренности –

«Самоанализ».

И финальное: руки, очертания тела, брызги то ли крови, то ли огня. То ли звезды фейерверка. «Самосожжение». Хмыкаю, оборачиваюсь.

Негромкий гул голосов из соседнего зала. Неподалеку другая девушка и молодой человек застыли в схожих позах, перелистывая взятые с полки книги. На обложках такие же крупные, темные мазки, как на картинах. В той же тональности. Оборачиваюсь к полотну напоследок, взгляд снова падает на подпись. Хм, в первый раз я прочла неправильно: картина называется «Самосъедение».

Звенит у двери колокольчик. Долговязый парень улыбается широким ртом, едва не кланяется, здороваясь с рыжей. И уходит в соседний зал. Что ж, пора и мне туда.

Парень берет себе стул, усаживается. Отвечая на приветствие, кивает так, что голова, кажется, вот-вот отвалится. Ему неловко, и он очень рад быть здесь. Публика самая разная, но в основном молодежь. Есть и фриковатый народ, вроде той девушки с шарфом, есть и вполне обычные. Вроде Лидки. Первые сидят со скучающим видом либо негромко беседуют со знакомыми. Вторые жадно глядят по сторонам, у них горящие глаза и улыбки, скрывающие волнение.

Они теперь вхожи.

А шарф можно и в следующий раз накрутить.

На магнитной доске позади рыжей крупная надпись маркером: «Стереотипы. Методы противодействия».

Большеротый парень вскакивает, приносит мне стул, ставит его возле Лидкиного и улыбается до ушей в ответ на тихое «спасибо».

– Итак, к нам присоединились Андрей и... – рыжая вопросительно смотрит на меня.

– Марта.

– Очень приятно, я Иванна. Присаживайтесь, скоро начнем.

А люди приходят и приходят. Завсегдатаи и друзья хозяйки подтаскивают ящики, коробки, даже каремат, но все равно кому-то придется стоять.

– Удачно пришли, да? Ух, сколько людей сегодня! – шепотом восхищается Лидка. Ее улыбка выглядит натянутой: в короткой юбке, приталенной блузке и лаковых туфлях на каблуке подруга ощущает себя неуместной.

Но тут снова звенит колокольчик над дверью, и лицо Лидки меняется.

– Ааа! Смотри, смотри! – она округляет глаза, хватая меня за руку.

– Добрый вечер, – в помещение заходит невысокий брюнет, снимает светлый пиджак, вешает его на плечики у двери. Под пиджаком оказывается шведка нежно-сиреневого цвета, и тут я этого брюнета узнаю: именно он вещает по телеку о защите прав «граждан с особыми пищевыми потребностями» или как их там.

– Добрый вечер, – Иванна встречает его рукопожатием,

переходящим в дружеские объятия. Потом представляет собравшимся: – Известный правозащитник и общественный деятель Мика Савин!

И еще регалии перечисляет: член союзов таких-то, обладатель премий сяких-то. А мне сразу вспоминается вчерашнее утро, и просыпается желание сводить этого Мику на экскурсию по подпольным кухням, которые нам с Максом и Костей довелось увидеть.

Мика присаживается под восторженные овации, улыбается белоснежно – кажется, вот-вот сверкнет зубами, словно в рекламе. И глядит на всех холодными темными глазами. Как у гемода. Улыбка существует отдельно, взгляд отдельно.

– Сейчас каждый, – Иванна добродушно улыбается, поправляет очки, – по желанию, конечно, выскажется, где и как он встречается с проявлениями стереотипных представлений, и как на него это влияет.

И начинается!

В основном, конечно, фриковатые ребята – в шарфиках, в таких же очках, как у Иванны, со смешными галстуками и забавным сочетанием розовых брюк и рубашек в горошек – рассказывают о том, как их не понимает дремучее серое общество. Немного разнообразия вносят девушки, которых якобы не воспринимают всерьез именно из-за пола. Тут я бы их поддержала, если б не вспомнила бывшую начальницу Ольгу Дмитриевну – ее-то попробуй не восприми всерьез! Хотя под мужика не косит, ходит в узких платьях с глубо-

ким декольте, что на ее пятьдесят каком-то размере выглядит внушительно. Так что у этих девочек проблема не пола, а отсутствия дресс-кода. В странной одежде, со спрятанными за огромными очками лицом они просто не похожи на взрослых, на серьезных людей, которым можно доверять серьезные дела.

– Основная масса стереотипов – порождение патриархального общества, – замечает Савин. – Все оттуда: и упреки женщинам, что лезут в дела не их ума, и мужчинам – за недостаточную мужественность. Есть и более древние стереотипы, нормы, утратившие актуальность. Например – дело, которым я занимаюсь сейчас. Использование универсальных помощников, как вы знаете, в основном ограничено нашими представлениями о том, как надо обращаться с человеком. Пусть и низшего сословия, но именно человеком. Штука в том, что гемоды – не люди. И человечеству дается с их помощью уникальный шанс! К примеру, реализовать полезные моменты антропофилии – это новые перспективы в медицине, в диетологии и косметологии. Но стереотипные представления, которые ошибочно распространяются на гемодов, не дают обществу сделать решающий шаг.

Пауза. Некоторые перешептываются с умным видом. Лидка наклоняется ко мне:

– Это он о чем, а?

Дальше речь идет о «методах». Мика Савин оставляет тему гемодов и обсуждает различные глупости, которые пред-

лагают собравшиеся:

– Можно поменяться одеждой с кем-то из коллег другого пола, который тебя поддерживает. На день или два. И таким образом заставить окружающих воспринимать нас всерьез вне зависимости от одежды.

– И еще уговорить начальство ввести веганский день! Почему у мясоедов есть все дни, а у нас ни одного! Так все попробуют и поймут, что ничего ужасного нет! Те же котлеты можно из моркови приготовить или шпината.

– Вот именно, – одобрительно улыбается Савин. – Стоит подтолкнуть человека к тому, чего он никогда не делал, дать попробовать то, чего он пробовать не собирался – и он взглянет на мир другими глазами. Не вашими, да, но поймет, что и ваш взгляд имеет право на существование.

Часа через два мероприятие официально заканчивается, но народ не расходится: собираются небольшими группками, беседуют, кто-то у барной стойки заваривает чай или кофе, бросая денежку в коробку для оплаты. Лидка, улучив момент, подходит к Савину.

– Ой, я ваша поклонница! Можно с вами сфотографироваться? Марта, сфоткай нас, а?

Поворачиваю браслет, навожу на них камеру. Мика так лучезарно улыбается, что затмевает даже красавицу-Лидку.

О гемодах он больше не вспоминает, но слова о «попробовать то, чего он пробовать не собирался» не выходят у меня

из головы. Почему-то думается: а все ли клиенты ресторанов, где ребята Векшина вскрывали кухни в подсобках, знали, чем их кормят? А если нет, то чем сейчас платят за молчание тем, кто знал?

Лидка вызывает такси, подвозит меня до метро – дальше нам в разные стороны. На улице прохладно после вчерашней грозы.

– Ну, ты как, не жалеешь? Понравилось? – спрашивает Лидка.

– Не жалею.

Махнув рукой напоследок, я запахиваю жакет и спешу к стеклянным дверям станции.

* * *

Поезд гонит по тоннелю затхлый воздух с запахом плесени и металла. Цифры на электронном табло невозмутимо отсчитывают время. Людей немного, они смотрят пустыми взглядами кто на табло, кто в стену напротив. Некоторые, словно кичась, стоят у самой белой черты на краю перрона. Мой взгляд цепляется за парня в куртке с надетым капюшоном – что-то в нем знакомое чудится. Джинсы в пятнах подсохшей грязи, рукава тоже. Он стоит близко к краю, но, ссутулившись, втянув голову в плечи, то и дело покачивается, едва не падает и, вздрагивая, вновь принимает вертикальное положение.

«Обдолбанный», – решаю сразу и смотрю в спину с лени-

вым любопытством: упадет или нет?

Поезд свистит по рельсам, приближаясь к станции, ветер качает мои волосы и словно толкает парня в плечо.

Я хватаю его за куртку, оттаскиваю назад. Вагоны проносятся мимо, парень испуганно дергается и, обернувшись, глядит на меня из-под капюшона: светлая, почти серая кожа, бледные губы, темные глаза и белоснежные, словно капроновые, пряди волос. Самый обыкновенный гемод.

Или, вернее, самый необыкновенный: в его глазах страх.

Отшатнувшись, гемод оглядывается украдкой – не заметил ли кто? И вновь глядит на меня, словно ждет, что я сделаю, не подниму ли тревогу.

Раньше я узнавала гемодов, даже со спины. Всегда. Безошибочно. По силуэту, развороту плеч. Росту, стандартизированному до миллиметра. По тому мертвому безразличию, ощущению невовлеченности, которое исходит от их поз, сквозит в каждом движении. Сегодня я не узнала гемода впервые, и теперь понятно – почему.

– Ты... – я заглядываю под капюшон, в знакомое до мелочей лицо. – Ты человек?

Поезд останавливается, двери с шипением разъезжаются, приглашая войти. Незвестный рядом со мной молчит, из-под маски гемода растерянно и испуганно смотрит живое существо.

Гемоды – не люди. Гемоды не могут чувствовать. У гемодов не бывает эмоций.

Так не бывает.

Я хватаю его под локоть:

– Идем!

Скользкий звук за бесполезными окнами. Станция за станцией. Косые взгляды. Мой спутник, обхватив руками голову, наклонился, уткнулся лицом в колени. Пальцы его судорожно комкают ткань куртки. Пассажиры вокруг брезгливо морщатся: «Обдолбанный».

Я сижу рядом, не вплотную – благо, места хватает – и смотрю на бледные запястья этого неизвестно кого: браслета-коммуникатора для связи с хозяином и официальными службами нет. Может, передо мной сломанный гемод? Или краденый? Или... все-таки человек?

Трогаю его за плечо. Не знаю, что у него в голове, но тело гемода: я, оказывается, узнаю его и на ощупь.

Поворачивается. Взгляд «поплывший», растерянный.

– Ты кто? – спрашиваю.

– Алек, – а голос не знаком... просто я ни разу не слышала, чтобы гемоды говорили шепотом, – Алексей Аверин. Двадцать восемь лет. Станция Лесная, Войсковская двадцать один, – голос дрожит, неизвестный переводит дыхание. – У меня семья... жена Элина и сын Сергей... – еще один судорожный вздох. Он словно не мне это говорит, а сам себе. Цепляется, пытаюсь удержаться на грани.

– Почему ты здесь?

– Тут это... – поднимает руку, трогает спину, чуть ниже шеи. – Сюда не добивает. Там...

– Передатчик, – подсказываю.

– Да. Не знаю, как его...

Скрежет по спине. Выцарапать? Ну-ну... От передатчика «ветки» вниз, до лопаток, и вверх, по шее – не выцарапаешь. Качаю головой. Мой спутник, видно, надеялся на помощь: снова обняв руками голову, он сжимается, прячется от всего мира, что сузился до летящего под землей вагона. Поезд останавливается, открываются двери, впускают новых пассажиров, закрываются. Мы едем дальше. «Обдолбанный», – косятся люди, отодвигаются. А тот, словно подтверждая их догадки, все сильнее скукоживается, покачивается из стороны в сторону. И только мне слышен шепот. Голос гемода, знакомый и незнакомый одновременно, повторяет размеренно, словно мантру: «Алексей Аверин, Войсковская двадцать один»...

Как так случилось, что гемод – ну ведь гемод же! на вид и на ощупь! – считает себя человеком? Нет, я не брошу такую находку! Но рано или поздно полиция заметит подозрительного пассажира и пришлет наряд. К тому же, уверена, и отсюда сигнал передатчика, пусть с перебоями, но поступает наверх.

– Эй, слушай...

Не реагирует.

– Алексей!

Мне трудно оказывается назвать гемода человеческим именем, зато он оборачивается.

– Алексей, слушай внимательно. Здесь повсюду камеры. Тебя наверняка скоро найдут. И пассажиры сообщат, что видели подозрительного, – под этим взглядом, полным надежды, я и сама теряюсь: как цеплялся за собственное имя, так же теперь он цепляется за мои слова. – Я предлагаю тебе пойти со мной. Я – сотрудник отдела по делам искусственных организмов при министерстве соцполитики. Если ты будешь у нас, то, возможно, получится...

«Защитить?» – слишком громко: неизвестно ведь, кто может заявить на него права.

– В общем, я попытаюсь тебе помочь, хотя не обещаю, что получится. Согласен?

– Наверх, да? – Он поджигает губы, хмурится. Вот не гемод, точно же! Они так не умеют! – Меня все равно заберут. Может, самому заявить в полицию? Найти адвоката?

Он не понимает, насколько странно и глупо это звучит.

– Юридически гемод не является человеком. У него не примут заявление, и ему не положен адвокат.

– Но я человек! Я – Алексей Аверин... – черные глаза панически округляются, однако мой спутник тут же берет себя в руки, медленно переводит дыхание. Смотрит серьезно и спокойно: – Хорошо. Я пойду с вами.

Вот и славно. Только бы успеть раньше, чем его засекут по передатчику! Я касаюсь коммуникатора: у него сигнал хо-

роший, в подземке берет почти без перебоев.

– Макс, привет. Слушай, дело жизни и смерти! Езжай к нам в Министерство, предупреди охрану, Рика разбуди, и ждите меня там. Со мной будет кое-кто еще. Главное – чтобы не сообщили в полицию... Что? Нет, конечно, не преступник! Это гемод. Не знаю, чей. Увидишь. Только скорее!

Эскалатор едет наверх.

Гемод стоит на ступеньку выше: высокий, по сравнению с окружающими, но сутулится так, что рост не заметен. Изредка оборачивается и растерянно глядит на меня из-под капюшона. Линия подбородка, губ – все так знакомо, и даже странно, что кроме меня никто этого не видит, не опознает универсального помощника. С другой стороны, люди по сторонам не смотрят. Пока движется лестница – виртуальные экраны коммуникаторов подсвечивают одинаково сосредоточенные лица.

За стеклянными дверями – чернильная темнота. Еще раз обернувшись, гемод поправляет капюшон и, толкнув дверь, ныряет в ночь.

– Стоять! Руки вверх! – свет фар ослепляет в мгновение. Темная фигура впереди тает в нем, я пытаюсь проморгаться, разглядеть хоть что-нибудь и, конечно же, поднимаю руки.

– Номер А-46, – голос, искаженный микрофоном, эхом отражается от стен высоток. – Ты на прицеле, резких движений не делать! Подними руки и отойди от человека.

У меня едва получается рассмотреть темную фигуру поблизости. Гемод поднимает руки, делает шаг в сторону. И, покачнувшись, хватается за голову.

– Нет, не может быть, – он садится прямо на асфальт. – Я Алексей Аверин...

– Руки подними! – теперь голос кажется мне знакомым. – Уйди оттуда, Смирнова!

Подбегают полицейские, целясь в беглеца из пистолетов, один хватается за плечо:

– Эй, вставай!

Беглец отмахивается, словно от мухи. Слышится хруст, полицейский, вскрикнув, хватается за руку, его коллега замахивается дубинкой.

– Назад! – из слепящего света фар выплывает плечистая фигура Кости Векшина. – Всем назад! Спокойно!

Полицейские отступают на пару шагов.

– Смирнова, отойди.

– Вы что здесь устроили? – отступаю немного, просто чтобы не злить. – С какой стати?

– Ориентировка пришла, – Векшин смотрит на моего спутника, щурит светлые глаза. – Не мешай. Видишь, он опасен... Эй, ты! – это уже гемоду. – Не дергайся, понял? В следующий раз башку прострелю, без разговоров!

Тот, наконец, поднимает голову.

– Твою ж мать! – Костя оборачивается ко мне: – Смирнова, это что такое?

Векшин тоже очень хорошо знаком с гемодами, и прекрасно понимает, что такого растерянного и несчастного лица, такого красноречивого взгляда у них попросту не бывает.

– Я это как раз пыталась выяснить, – жаль, что не добрались до Министерства – на помощь Макса можно не рассчитывать, придется свою находку выцарапывать самой. – Гемоды – это по моей части. Официально я все-таки сотрудник...

– Гемоды? Ему явно что-то не то в башку положили. Вон как глядит, тварь!

Словно в ответ на это беглец подбирается, поднимается неторопливо. Отряхивает штаны – спокойно, будто не замечая нацеленных на него пистолетов.

– Руки подними! – рычит Костя.

Мне становится не по себе: мало ли что происходит в этой белобрысой голове? До того, как его расстреляют, гемод вполне успеет свернуть мне шею, например. Универсальный помощник может ударить человека, только защищая хозяина, и то – не убить, а лишь обезвредить. Строго в пределах необходимости. Но если беглец считает себя человеком, ограничение насилия на него не распространяется.

Теперь фары не так слепят, видно широкий проспект. До министерской высотки еще пара кварталов, но я замечаю в отдалении грузную фигуру Макса и подтянутую – Рика: услышали шум и торопятся мне на выручку.

– Кость, мы забираем его в министерство.

– Нет. В розыск его объявили нам, так что...

– От кого заявление?

– Как это от кого? От «Гемода». В смысле, от производителя. Это у них типа опытный образец, – Костя меряет взглядом высокую фигуру перед собой. – Заявили о пропаже, но, по ходу, сбежал.

– Аверина звонила вчера, так что я в курсе.

– Нет, Смирнова, – на мою импровизацию Костя не покупается. – Прости, но у меня инструкции. Забираем.

– Я – человек, – вдруг подает голос беглец, он так и стоит с поднятыми руками в нескольких шагах от меня. – Я могу доказать.

– Что ты докажешь с такой рожей? – Векшин достает из чехла электронный ошейник, бросает беглецу. Обод звонко падает на асфальт. – Надевай!

Гемод поднимает ошейник, смотрит почему-то на меня – вопросительно. Я киваю. Стандартная процедура, и раньше она меня не смущала.

Замок щелкает едва слышно, и напряжение вокруг сразу падает. Гемода больше не держат на прицеле, только пара ребят с пультами остаются настороже. Обычно, чтобы обездвигнуть гемода, владелец использует уникальную команду, но, видимо, полиции кодов не передали, а наручниками этих созданий еще поди удержи. Потому и применяют электронные ошейники: из-за вживленного передатчика на гемодов они действуют даже сильнее, чем на людей. Болезненно, зато эффективно.

– Знаешь, как это работает? – Костя будто ждет какой-нибудь выходки. А может, как и я, пытается понять, кто перед ним. – Мой совет: лучше не проверяй. Ладно, забирайте его!

Беглец позволяет взять себя под локти, движения его рассеянны, медленны, словно в вязком киселе бредет. Это злит полицейских, но больше его не бьют: за порчу имущества корпорации может еще и влететь. Долговязую фигуру запикивают в полицейский фургон, а я спешу за Векшиным.

– Кость, я с вами!

Он кивает на авто. Юркаю назад. Векшин садится рядом с водителем, задумчиво постукивает пальцами по двери. Я перехватываю его взгляд в зеркале заднего вида.

– Надо тебе?

– А как думаешь? Ты же сам видел! Кость, я поговорю с ним, хорошо? У вас в отделении, под присмотром. Только дай мне фору, пожалуйста! Хоть немного! Не сообщай пока, ладно?

– Ну, знаешь! – Векшин качает головой. – Ладно, я сообщу, когда приедем.

– Понятно. Спасибо.

Что ж, у меня будет столько времени, сколько понадобится, чтобы прислать кого-то из корпорации. Лучше, чем ничего, но придется поторопиться. Касаюсь коммуникатора:

– Макс? Да, я еду в отделение. Нет, за мной не надо. Лучше вот что: я сейчас продиктую данные, узнайте там с Риком все, что можно, и сразу высылайте мне. Слушай: Алек-

сей Аверин... – и замолкаю, ошарашенная.

– Марта? – доносится голос Макса, смешанный с городским шумом.

– Да, погоди... Костя, слушай, они же с Авериной из «Гемода» однофамильцы!

– Однофамильцы? – хмыкает Векшин. – Почти, да. Он выдает себя за ее брата.

* * *

Гемода уводят в допросную, а Костю отвлекают, задерживают у авто, и без него дежурный отказывается меня впускать, несмотря на удостоверение. Успеваю просмотреть биографию Алексея Аверина, присланную Максом, а потом, нервно покусывая костяшки пальцев, жду, глядя в стену-окно: за ней, не подозревая о наблюдении, беловолосый в наручниках и ошейнике растерянно стоит посреди комнаты, потом отходит – не к металлическому столу, а к стене. Привалившись к ней, прижимается щекой. И что-то бормочет. Микрофоны не улавливают тихий шепот, но я точно знаю: «Алексей Аверин, Войсковская двадцать один».

– Ты еще здесь? – гаркает Векшин с порога. – Иди! – и оборачивается к дежурному: – Все в порядке, я разрешаю.

Услышав лязг замков, беловолосый вскидывается и встречает меня, уже стоя посреди комнаты.

– Смирнова, он в ошейнике. Если что – мыотреагируем, –

сипит динамик под потолком голосом Кости. – Времени у тебя немного.

– Ясно, – останавливаюсь у металлического стола, указываю на стул. – Садись.

Гемод подчиняется. Звякнув цепью, кладет руки перед собой, переплетает пальцы.

– Я не знаю, что делать. – Он так похож на Рика или маменькиного Ксо, на любого из изделий корпорации «Гемод»! Но голос тихий, и в черных глазах – отчаянная надежда. – Помогите мне, пожалуйста.

Хотелось бы мне оправдать эту надежду! Отодвинув второй стул, сажусь напротив.

– Скоро за тобой приедут. Сейчас я ничего не смогу сделать. К сожалению.

Несколько секунд собеседник всматривается в мое лицо, и в это время я чувствую себя совсем гадко, словно и вправду обманула, заманила в ловушку. Наконец он отводит взгляд. Костяшки его пальцев теперь совсем белые.

– Расскажи, кто ты, и что с тобой случилось. Может быть, тогда я смогу хоть чем-то помочь.

– Я... Я – человек. Алексей Аверин. Работаю в «Горсеверстрое», живу на Войсковской, с женой и сыном... Я, кажется, говорил вам уже, – он смотрит на меня, не отводя полного отчаяния и надежды взгляда. – Понимаете... они говорят, что меня нет. Что я умер.

Я касаюсь коммуникатора, и на виртуальном экране по-

является фото мужчины лет до тридцати – светлоглазого, с крупным подбородком, приятной улыбкой, задорными ямочками на щеках и копной золотисто-русых волос.

– Да, – подтверждает мой собеседник, – это я.

– Это – Алексей Юрьевич Аверин. И он действительно умер четыре года назад.

– Нет, – на лице гемода появляется нервная улыбка. – Все так говорят, но это неправда. Они что-то сделали... я не помню, как это случилось, но я... вот же я! В теле гемода или как вы это называете... Я – Алексей Аверин, и я – человек!

– Ты можешь это доказать?

– Да, конечно! Я знаю, я же все помню! Только... – он замолкает, сжимается, снова обхватывает руками голову.

– У нас мало времени, – напоминаю. – Говорите, Алексей, говорите!

Кивает. Бросает взгляд исподлобья на динамик под потолком, на зеркальную стену.

– Когда я пришел в сознание в этом теле, нас было уже два десятка таких же. Одинаковых. Мы жили в казарме, наверное, на территории института, где Аня работает...

– Анна Юрьевна?

– Да, она. Сначала мне сказали, что я участвую в эксперименте, за который хорошо заплатят, что я сам подписал бумаги, хотя я этого не помню. То же самое, думаю, говорили и остальным. Нам запретили общаться. Совсем. И называли по номерам. Я был «А-46».

Пауза. Вдох. Гемод опускает голову, упирается взглядом в собственные ладони.

– Потом наши начали умирать. Двое в первую же неделю, сказали – сердце. Сорок пятый сошел с ума. Сорок восьмой и пятьдесят первый пропали, я не знаю, что с ними. Сорок девятый покончил с собой, разбил голову о стену. Потом еще самоубийство, и еще... Когда уносили очередной труп, я забрался на носилки вместо него. Вы знаете, у этих тел есть возможности... В общем, я успешно притворялся мертвым, а когда понял, что рядом нет охраны, выбрался как-то. Не знаю даже, как у меня получилось сбежать. Я вообще-то строитель, я не понимаю, как это все...

Замолкает, закусывает губу. Но времени на рефлексии нет: вот-вот явятся из «Гемода».

– Продолжай. – Подавшись вперед, я касаюсь его руки – бледной, холодной. Мелькает мысль: ненормально выражать поддержку прикосновением живой кукле, которая, по идее, ничего не должна чувствовать. – Алексей!

– Я вижу странное, – тихо произносит гемод. – Накатывают ощущения... такие... не знаю, как сказать. Будто меня нет, но я все чувствую. Это... – качает головой, белые пряди соскальзывают на лицо. – Не могу объяснить. Как будто всплывает в памяти кошмарный сон, но все так...

Снова пауза. Он словно хочет что-то сказать, но то ли слова подобрать не может, то ли не решается озвучить свои самые страшные догадки – высказанные вслух, они могут ока-

заться слишком похожими на правду.

– Нам не разрешали разговаривать, – произносит наконец, – но двое повторяли во сне имя «Элина» – мою жену зовут так же. А один, когда сошел с ума, сидел в туалете, в углу, и говорил одно и то же: «Алексей Аверин, двадцать восемь лет, Войсковская двадцать один»... Пожалуйста, – он не поднимает голову и все так же сжимает пальцы, будто из последних сил хватается за что-то. Ладонь я не убрала, и чувствую, как его рука деревенеет от напряжения. – Не понимаю, что со мной. Кто я на самом деле. Пожалуйста, помогите.

– Я свяжусь с вашими родными.

– Без толку. Я был дома. Элина сказала, что я умер. Что она похоронила меня. И, кажется, она снова вышла замуж.

– А что ваша сестра? Анна Юрьевна?

– Она руководит проектом.

– Смирнова, – отзываются динамики голосом Кости, – тут делегация на подходе.

Гемод вскидывает голову.

– За мной?

Киваю и, отпустив его руку, оборачиваюсь к двери.

Анну Юрьевну Аверину я лишь раз видела «вживую» на какой-то пресс-конференции, а так – только в телеке. Рабочие же вопросы она, как человек занятой, предпочитала решать по коммуникатору. Высокая сухощавая брюнетка тридцати пяти лет. Ее можно бы назвать красивой, если б

не вечно поджатые губы и озабоченно-недовольное выражение лица, словно у человека, который пытается вспомнить, выключил ли духовку, выходя из дома.

– Добрый день. – То, что глубокой ночью такое приветствие не вполне уместно, ее не беспокоит. Несколько сотрудников «Гемода» встают по обе стороны от начальницы и хмуро смотрят перед собой.

– Здравствуйте, – протягиваю руку, чтобы она могла считать удостоверение с коммуникатора. Пару раз мы говорили по телефону, когда Максу было недосуг, но она вряд ли помнит. За моей спиной скрипят по полу железные ножки стула. – Марта Смирнова, сотрудник отдела по делам искусственных организмов...

Анна Юрьевна отмахивается. Удостоверение считывает ее спутник, и я оборачиваюсь.

Гемод стоит подобранный, напряженный, словно готовый к прыжку зверь. Напомнить бы ему об ошейнике...

– Марта, да? Вижу, вы успели с ним поговорить, – Аверина по-птичьи наклоняет голову набок. – И как вам?

– В каком смысле?

– Реакции. Поведение. Похож на человека?

– Да. Больше, чем на гемода.

– Прекрасно. Мне было интересно мнение со стороны. Спасибо за работу, – и, бросив безразличный взгляд на гемода, командует: – А-46, уходим!

– Аня, – тихо просит он, – не надо.

Я не должна вмешиваться, но не могу иначе.

– Подождите, Анна Юрьевна, необходимо прояснить. Какое отношение он имеет к вашему брату? Если это – человек с внешностью гемода, то...

– Глупости, – Аверина брезгливо кривит губы. – Вы наверняка проверили все базы. Мой брат погиб в автомобильной аварии. Это был трагический случай, и с того времени прошло уже четыре года. Незадолго до смерти он согласился поучаствовать в моем эксперименте и разрешил скопировать свой мозг. А-46 – один из опытных образцов, мозг которых является максимально возможной точности копией мозга моего покойного брата. Усовершенствованная линия гемодов, пока в разработке. Надеюсь, в ближайшие годы мы сможем наладить массовый выпуск. Правда, не исключено, что придется найти добровольцев для копирования, чтобы подобрать удобный характер и набор качеств... А-46, нам пора.

– Нет, – гемод отступает еще на пару шагов, снова смотрит на меня, будто именно я могу ему помочь. – Не отдавайте меня им, пожалуйста.

Что делать? Потянуть время? Но Аверина не намерена задерживаться. На ее стороне закон. И Векшин за стенкой молчит, зараза! А этот – не то гемод, не то человек – все смотрит, ждет. Надеется!

Еще никогда я не чувствовала себя такой беспомощной.

– Они в своем праве. Прости.

Он тут же бросается ко второй двери. Дергает несколько раз, ударяет кулаками в стену и оборачивается, готовый пробиваться, пусть и в наручниках. Что произойдет дальше – я знаю.

Анна Юрьевна раздосадованно щелкает языком. И тут же легкое жужжание, гемод падает на пол, схватившись за ошейник, оскалившись, скрипит зубами, корчится. А потом, обмякнув, замирает. И только слышно дыхание со свистом, да из-под белоснежных прядей – черный взгляд.

– Жаль, что приходится прибегать к таким примитивным методам, – вздыхает Аверина. – Ничего, с кодом отключения будет проще.

Ее подручные поднимают гемода, уткнув в бока шокеры, тянут к двери. И я не выдерживаю:

– Анна Юрьевна, он же... он же как ваш брат! Как вы можете?..

– Ну что вы! – на лице Авериной искреннее недоумение. – Это не человек.

– Он чувствует, как человек. У него воспоминания человека.

– Всего лишь нейронные токи. Обыкновенные физические процессы и ничего больше, – сложив на груди руки, Аверина улыбается мне снисходительно, будто даже с жалостью. – Вам ли не знать, чем отличаются гемоды от людей. В людях есть нечто большее, чем простая физика. Божественная искра, если хотите. Душа. Люди рождаются. А ге-

модов создаем мы. Так что гемоды – это лишь искусственно созданные оболочки, не наполненные человеческой сущностью. Даже с юридической точки зрения...

Гемода волокут по коридору. Я смотрю ему в спину, пока процессия не скрывается из виду. Где-то несколько раз с легким шорохом открываются и закрываются двери.

Векшин подходит незаметно. Привычно трет шрам на щеке.

– Это ж надо, родного брата – и так... Ладно, Смирнова, тут бы о неразглашении подписать.

«Мы создали точную копию себя. Слишком точную. Создали для нее узнаваемую маску – чтобы отличать. Чтобы не вести себя по-человечески с тем, кого создали. Этакая прививка бесчеловечности: сперва на своеобразном тренажере под лозунг «гемоды – не люди», а потом, быть может, мы найдем повод не называть отдельных людей людьми. Вывести их за рамки человеческого. По признаку уровня интеллекта, цвета кожи, места проживания – обозначать их «не-людьми». И мы будем знать, как вести себя с ними, ведь мы хорошо потренировались на гемодах!»

P.S. Возможно, будут промежуточные стадии: гемод с лицом человека. Или человек с лицом гемода.»

П.П.

Глава 3

– Дурацкая ситуация, – Макс без аппетита ковыряет вилкой пюре.

– Видимо, сразу поймали сигнал, как только мы вышли. А может, уже в метро вели.

В министерской столовой тихо. Люди обедают с одинаково скучным видом. Кроме Рика: он выглядит бодро, сохраняет на лице выражение легкой заинтересованности, как всегда. И безропотно поедает грязно-серую бурду, которую выдают за «спецменю».

В пустых черных глазах гемода отражаются окна вместе с силуэтами ветвей.

– Значит, новая разработка?

– Аверина так сказала.

Если нужно зайти к Максy, всегда подгадываю время, чтобы попасть в столовую: тут кормят сытно и недорого. Только сегодня есть не хочется. Я потягиваю кофе – невкусный, но крепкий.

Поспать успела всего пару часов, аккуратно чтобы явиться к обеду. Остальное время читала в сети про Алексея Аверина, покойного брата Анны Юрьевны: простой хороший парень, примерный семьянин. Был. Погиб в автомобильной аварии, как и сказала Аверина. Скользкая после дождя дорога, нетрезвый водитель. Никакой конспирологии.

Его сыну сейчас должно быть лет пять.

– Мне бы в базу заглянуть, – говорю. – Адрес вдовы Аверина глянуть.

– Угу. Сейчас поднимемся и глянем, – Макс наконец отодвигает тарелку и берет стакан с компотом. Глянуть можно и отсюда, но, видимо, пароль от базы у него там же, где и все важные документы – в рабочем лэптопе. – Так ты вчера в «Черной рыбе» Савина видела? Того, который по телеку? А знаешь, лет десять назад он звался Михаил Всеволодович. У нас в академии лекции читал на тему равноправия, мужского и женского начала. А тут вдруг к людоедам занесло. С чего бы это?

– Прошу заметить, что юридически гемоды людьми не являются, – как бы между прочим вставляет Рик. – И физиологически, строго говоря, тоже.

– Ничего удивительного, – предпочитаю не заметить реплику гемода, – он там тоже за равноправие.

– Создается впечатление, – снова подает голос Рик, – что слово «равноправие» употреблено вами в негативном контексте.

Поворачиваюсь. Вглядываюсь в лицо с резкими чертами, в темные глаза: на первый взгляд они смотрят с интересом, но потом видишь – пустые.

– Рик, тебя что, проапгрейдили за ночь?

– К гемодам это понятие неприменимо. Мы получаем информацию из тех же источников, что и вы.

– Марта, – Макс трогает за плечо, – это он с утра телек смотрел, небось. Центральный канал. Я тоже попал за завтраком. Не обращай внимания.

– Ага. А если стучать начнет?

– Он знает, что людям нужно давать возможность самостоятельно избавляться от заблуждений... Правда, Рик? Ладно, Марта, мы же вроде как его хозяева.

– Хозяева, как же! – Я обвинительно тычу пальцем в нашивку на рукаве гемода. – Муниципальная собственность! Чтоб его...

Кофе осталось совсем немного. На последний горький глоток. Окна столовой выходят на сквер. Я прикрываю глаза, слушаю, как сквозь стук посуды и приглушенные голоса доносится с улицы шорох ветра в листве.

«Не отдавайте меня им, пожалуйста».

– Прошу прощения, – перебивает мои раздумья Рик. – Чтоб меня что? Мне показалось, вы не договорили.

* * *

Лужайка перед опрятным двухэтажным домом ярко зеленеет. Район знакомый – в паре улиц отсюда живет моя мать. Не встретиться бы ненароком: заходить к ней сегодня не хочется. Хотя маман все равно из дома не выбирается почти, если что надо – отправляет Ксо. А он, даже увидев меня, вряд ли доложит, если не спросят.

Поднимаюсь на крыльцо – невысокое, с навесом и резны-

ми столбиками. Столбики не типовые, вырезаны под заказ. Может, самим хозяином.

Долго трезвонить не приходится. Дверь открывает женщина года на два-три старше меня: платье по фигуре, лицо со светлой, чистой кожей, короткие светло-русые волосы уложены пышными волнами. Смотрит приветливо:

– Добрый день.

– Элина, здравствуйте, – протягиваю браслет, чтобы она могла считать удостоверение. – Марта Смирнова, отдел по делам искусственных организмов. Простите, что не позвонила заранее. Мы можем поговорить?

К моему огромному облегчению, Элина Сташенко, ранее – Аверина, вдова Алексея Аверина, не скандалит, не звонит в полицию или Анне Юрьевне и вообще кажется на редкость адекватным человеком.

– С полицией я не говорила: Анечка собиралась решить все сама. – Мы располагаемся в гостиной, на низеньком диване напротив окна. Хозяйка приносит маленькие чашки с блюдами, ставит на квадратный столик и разливает ароматный чай из фарфорового заварника. – В конце концов, это дело корпорации. Мне принесли извинения, предлагали возмещение ущерба. Я отказалась. Нет, я не сержусь на Анечку, хотя она своеобразный человек, конечно... Да и того гемода уже поймали.

– Значит, сбежавший гемод действительно приходил

к вам? – беру изящную чашку, дую, разгоняя пар.

– Да, приходил.

– Можете рассказать, что произошло?

– Мы с сыном были дома одни, Влад еще не пришел с работы... Сережка играл в своей комнате, наверху. Я услышала стук в дверь, открыла и увидела гемода. Он был странный, – хозяйка хмурится, подносит чашку ко рту, но не пьет, словно забыла о ней.

– Почему странный? – спрашиваю, хотя догадываюсь уже, что услышу.

– Он смотрел странно. Как-то... по-человечески, что ли? Удивлялся, злился... Не думала, что гемоды так умеют.

– Теперь умеют.

– Да, Анечка сказала, что это – новая разработка, – Элина крутит чашку в пальцах и снова забывает пить. – Честно говоря, не нравится мне, чем они там занимаются. Владик хочет купить универсального помощника, мы даже на выставку ходили несколько раз, но я как-то не готова пока. Они же как роботы! Представляете: робот в доме! Не уверена, что смогу подпустить его к ребенку.

Элина качает головой и, наконец, отхлебывает чай. Последовав ее примеру, я произвольно отмечаю: вкусный. С жасмином – именно как я люблю.

– Вы рассказывайте, – напоминаю.

– Мне сложно, – хозяйка неловко улыбается. – Вы, наверное, уже знаете: гемод заявил, что он – мой покойный

муж Алексей, только с измененной внешностью. И он говорил такие вещи, которые мог знать лишь Алек... наверное. Я не уверена уже. Не знаю, как Алек мог согласиться на такое! Он очень любил сестру и хотел ей помочь в исследованиях. Никто не предполагал, что так случится, что его не станет... – Отхлебнув еще чая, она поворачивается ко мне. Глаза блестят, на губах – нервная улыбка. – Мне все еще больно вспоминать. Я любила Алексея, и Сережка так похож на него.

– И вы не поверили гемоду? Ни на миг?

– Нет, конечно! Я ведь сама похоронила Алека. Мы говорили с ним по телефону за пару минут до аварии. Я знаю, что он погиб. И как бы ни хотелось... – Вдох. Элина скользит отрешенным взглядом по стене, на которой, в простой рамке – свадебная фотография. Только на ней Элина уже не с Авериным.

– В общем, я не хочу ворошить прошлое. Я долго приходила в себя, и теперь... Нет, не хочу.

– Понимаю вас, – поставив чашку, поднимаюсь, подхожу к фото. – Ваш муж?

– Да, Влад.

– А у вас есть старые фото? Я бы посмотрела, если вы не против.

Элина приносит альбом – золотистую рамку формата А4. Открывая папку за папкой, я пролистываю кадры чужой жизни, наверное – счастливой. Алексей Аверин на фото почти

всегда улыбается. У Элины раньше были длинные волосы, и они ей шли больше, чем эта стрижка.

– Я пыталась выгнать гемода, – продолжает между тем хозяйка, – но он словно был одержим – странно, да? – одержим идеей доказать мне, что он – это Алек. Потом увидел наше фото с Владом. – Элина ежится, словно от холода. – Тогда Сережка спустился... Он стоял на лестнице и звал меня. Я просила сына уйти, спрятаться в комнате, но он испугался и просто стоял на месте. И когда гемод пошел к нему, я бросилась в столовую, взяла пистолет Алека и выстрелила.

Она замолкает, а я долго не решаюсь нарушить паузу.

– И? – спрашиваю наконец. – Вы его ранили?

– Кажется, я промахнулась. Но тут как раз приехала полиция. Он услышал сирену и сбежал.

– Понятно, – выключаю рамку, протягиваю ей. – Большое спасибо, Элина. Прошу прощения, что доставила вам беспокойство.

– Да что вы! Была рада помочь.

Несколько сот метров до станции метро я иду минут пятнадцать. Гляжу под ноги, на асфальт с редкими нитками трещин и желтыми лоскутами первых опавших листьев, и думаю о том, как, наверное, странно и страшно было человеку оказаться в мире, где его не стало несколько лет назад: жизнь идет своим чередом, любимая женщина замужем за другим, сын вырос, а ты... А тебя просто больше нет.

* * *

– Ой, дозвонилась! – Маман пыхтит так, что трещит в динамиках. Мне кажется, этот треск слышен всем посетителям небольшой кафешки, куда я прихожу поработать. Дождь звонко стучит по карнизам. Негромко играет музыка. И – вот этот треск. – Слушай, а как бы мне в гарантийку? Ну, гарантийный ремонт универсальных помощников. Ты же этим занимаешься, да?

– Что случилось?

– Что-что ты говоришь? Не слышу!

– Что случилось? – повторяю чуть громче.

Кроме меня, в кафе парочка в другом конце зала и двое таких же, с ноутбуками. Никто не оборачивается. Никому не интересно.

– Мне надо им Ксо отдать. В починку. Ты же договоришься?

– А что с ним?

– Да ничего страшного! Просто глаз заменить! Или, может, они это сразу сделают? Мне бы лучше, чтобы его не разбирали.

На улицу не выйдешь – не будет слышно из-за дождя. Приходится сдерживаться и не повышать голос.

– Ма, скажи нормально, что случилось. Что у него с глазом?

– А он упал неудачно, наткнулся на штырь – там, пом-

нишь, где у меня роза подвязана? Вот и все. Ничего такого. Ему же новый поставят по гарантии, да?

– Да.

Это не про гарантию – не будет ее, сама заплачу. Это просто эхом.

Гемод упал. Физиологически совершенный организм с великолепной координацией. Неудачно упал. Да. Других слов у меня нет.

– Ну вот и славненько! – радостно звенит в динамике. – Ты узнай там, что да как, и звони! И пусть скорее, а он так и ходит с дыркой – смотреть страшно!

Она отключается, а я сижу и гляжу перед собой, в потухший экран ноутбука. Перевариваю услышанное. Решаюсь. И тянусь к коммуникатору.

Аверина долго не отвечает на вызов. Наконец в динамике звучит ее недовольное:

– Слушаю.

– Анна Юрьевна, это Марта из отдела... Да. Я хотела бы узнать насчет вчерашнего инцидента. С объектом А-46 все в порядке?

– Да. Больше вас это не должно волновать. Инцидент исчерпан.

– У меня есть несколько рабочих вопросов. Подскажите, когда вам удобно будет встретиться?

Недолгая пауза. Вздых.

– Очеловечивание гемодов – распространенное заблужде-

ние, Марта. Не думала, что вы, при вашей должности, ему подвержены.

– Дело в том...

– Наши экспериментальные образцы, даже такие, как А-46, не являются людьми. Это – собственность корпорации, информация о разработках на сегодня засекречена. Думаю, я уже ответила на ваши вопросы. Хорошего дня.

«Они сковывают нас по рукам и ногам, эти устаревшие табу, пеицерные понятия о «можно» и «нельзя», навязанные рамки, ограничения, для которых не осталось объективных причин. Все это в результате приводит нас к унылому топтанию на месте, к застою, вырваться из которого можно лишь взорвав общество изнутри, заставив людей смотреть шире, видеть новые грани вещей, какие раньше не принято было обсуждать.

В наше время уже объективно отсутствуют понятия «слишком интимного» и «неприличного». Хотя нет: крайне неприлично в современном цивилизованном обществе быть таким варваром, который размахивает своей дубинкой и требует, чтобы все вокруг с автомобилями пересели на лошадей, спали на тюфяках, ели с ножа. И не видели разницы между высокотехнологичными куклами и живыми людьми».

Мика Савин, из интервью

Глава 4

– Проходите, сюда... Лестница, осторожно...

Ненавижу утренние вызовы: после бессонной ночи, не глотнув горяченького и не потупив в экран хотя бы полчаса, я мало на что гожусь. Разве людей пугать. В такой ситуации любой гемод меня полезней и адекватней. Могла бы и отказаться, но работа... Нет, не эта, а статьи – сейчас за них особенно неплохо «капает».

И А-46 не идет из головы.

Я плетусь за Максом по лестнице на второй этаж частного дома. Смотрю под ноги: при взгляде на спину Макса, обтянутую клетчатой рубашкой, начинает рябить в глазах и подташнивать. Рик бесшумно шагает следом: будет, кому поймавать меня, если оступлюсь.

Я снова легла за полночь: искала в сети информацию по Савину и его благотворительному правозащитному фонду. Звонила Векшину – узнать новости. Костя был необычно многословен, рассказал, наверное, больше, чем было можно. Жаль только, ничего интересного. И ругался. Не в динамик, но я слышала.

А сегодня Макс забрал меня на министерской машине, и на встроенном в панель мультимедиа экране страшная, неопрятная тетка рассказывала о применении гемодов для лечения психических расстройств. А известный по телешоу

диетолог рассуждал о том, что, наверное, предложение выращивать искусственные человекоподобные организмы для нужд пищевой промышленности сейчас звучит чудовищно, однако чисто теоретически...

– Вот, это здесь. – Хозяин дома подводит нас к двери, оклеенной картинками с цветочками, завитушками, принцессами из мультфильмов. Нерешительно мнетя, вздыхает. И Макс медлит: ненавидит он эти выезды, после его долго мутит, и аппетит пропадает.

Обойдя Макса, я выхожу вперед.

– Открывайте уже.

Издав еще один тяжкий вздох, хозяин нажимает на ручку. И словно открывается портал в обитель сказочной принцессы: балдахин, мишки, куклы, подушки... Посреди комнаты на мягком ворсистом ковре сидит нечто, обряженное в несуразное платье, конфетно-розовое, с рюшами, блестками. У «нечта» на голове кокетливая шляпка с вуалью, лица не видно, только торчат из-под тульи грязно-белые патлы.

– Что это? – я подхожу ближе и не сразу решаюсь протянуть руку, снять шляпу с головы сидящего.

Гемод смотрит на меня с легким интересом. Лицо у него тоже ярко-розовое: регенерация на месте сплошного ожога. Даже ресницы отрасли. Правда, шрамы все равно останутся, и глаз перекошен. На кривых губах – вежливая полуулыбка.

В обрамлении кружевного декольте – пышная грудь.

За моей спиной тихо ругается Макс, а Рик спокойно про-

сит «не использовать нецензурную лексику при клиентах». Оборачиваюсь. Взгляд невольно обращается к Рику: нет, он не напуган, не зол, не расстроен.

Ему все равно.

– Понимаете, – хозяин дрожащими пальцами теревит полу рубашки, – моя дочь... У нее друзей нет совсем. Она вообще необщительная. Может днями в комнате сидеть, играть вот... Я говорю: не дело девочке твоего возраста в куклы играть! В школу надо. А она – нет. А ей уже тринадцать, понимаете? Я дома сидеть не могу – работа, вот и купил эту. Думал: присматривать будет. А она в нее вцепилась с первого дня, от себя не отпускает, и знаете, как она ее называет? Мама! Так и говорит: мама!

– Ее? – переспрашиваю.

Теперь я вижу, что черты лица гемода слегка отличаются от стандартных. Даже под ожогом заметно: мягче линия бровей, полнее губы. Но выпуск гемодов-женщин так и не состоялся.

– Ее, да. Я брал б/у, документы вроде бы в порядке, – таторит хозяин. – Модификация незначительная, меня предупредили, что она не на гарантии...

Солнце заглядывает в окно, и на ярко-розовом платье сидящего гемода вспыхивают блески.

– Я это, я д-думал, – от волнения хозяин вдруг начинает заикаться, – дочка ее п-приняла за красивую куклу. Но это же н-нельзя, н-ненормально! Я вот... – замолкает.

– Так это вы его?

– Д-да.

– Ясно. – Все, хватит с меня. – Рик! Вызывай полицию.

– Это зачем? – хозяин подскакивает ко мне, заглядывает в лицо, а я упрямо отодвигаюсь, чтобы ни в коем случае не дотронуться. – За что?

– Использование нелегальной модификации универсального помощника. И жестокое обращение в присутствии ребенка. По закону о защите несовершеннолетних от негативной информации...

Максим выходит из комнаты последним, осторожно закрывает дверь, но я успеваю увидеть, как обряженный в розовое гемод поднимает шляпку, надевает, поправляет вуаль, и блески на платье искрятся, рассыпая осколки радуги.

Хорошо, что за рулем – Рик. Он спокоен и внимателен. Максим на заднем шуршит фантиком, вскоре по салону распространяется запах мятной конфеты.

– Не привлекут его, – говорит наконец. – Это ж гемод. Никого еще не привлекали.

– Попробовать стоит. Хотя бы за нелегальную модификацию.

Слухи о подпольном рынке гемодов-женщин – вернее, услуг по смене пола универсальных помощников – до меня доходили не раз. А вот видеть их раньше не доводилось: Корпорация открещивалась от любых модификаций, а ме-

нять внешность гемода запретили законом. Векшин обмолвился как-то, что пара таких спецов-хирургов у них на крючке, но прикрыть не могут – слишком большие деньги и влиятельные люди стоят за этим.

А ведь красивый получился... получилась. Если бы не ожог.

– Ну да, попытаемся, – вздыхает Максим. – Кабинетная работа, тоже мне... Спасибо, что поехала.

– Чувствую, если так пойдет и дальше, мне либо совсем уволиться придется, либо возвращаться на работу.

– Так и вернулась бы.

– Тогда у тебя не будет неофициальной прибавки.

Он молчит долго. В зеркало заднего вида мне плохо видно его лицо, приходится обернуться.

– Я это, – Макс мнетя, видно: ему неловко, – я как раз спросить хотел: может, выйдешь на месяц другой? Нет, не сейчас, а... Понимаешь, Мариша просила, чтобы я ей помог, когда ребенок родится. Я смогу тогда и с ней побыть, и отпуск не потрачу. Из дома буду помогать, если надо, – и пытается улыбнуться, спрятав за щеку леденец. – Ну как, договорились?

Оно-то все ничего, но слишком я привыкла к тому, что не надо вставать спозаранку, вот как сегодня, не надо отчитываться, куда ты ходишь в течение дня, чем занимаешься. Но и с Максом ссориться не хочется, и место терять. В конце концов, тексты писать я и в Министерстве могу.

– Я подумаю.

Слышу – Макс переводит дыхание: он боялся услышать отказ. Вернее, боялся сказать Маришке о моем отказе.

– Спасибо. И это... включи экран, пожалуйста. Сейчас должны быть новости.

Едем. Диктор – даже в такую рань свежая и бодрая, не то, что некоторые – рассказывает о встречах на высшем уровне, об открытии нового медцентра, о перестрелке в Седовском районе, а потом:

– Как сообщает пресс-служба управления муниципальной полиции, все чаще гемодов похищают для того, чтобы их съесть.

Неужели наконец-то? Макс подается вперед, и мы смотрим, опасаясь пропустить хоть слово.

– Оперативные сотрудники раскрыли несколько подпольных цехов, ведется следствие. А мы обратимся за комментарием к известному правозащитнику Мике Савину.

Камера поворачивается, теперь мы с Максом видим Савина: сегодня он в розовой шведке, улыбается все так же рекламно. Здоровается.

– Ситуация неудивительна, – замечает он. – Удовлетворение базовых человеческих потребностей не может быть запрещено законом. Все, что нам нужно – правовая база! Только тогда гемоды перестанут пропадать, а их хозяевам не придется оббивать пороги страховых компаний! Но о чем можно говорить в этом глубоко закостенелом обществе, где челове-

ка оценивают, опираясь на устаревшие стереотипные представления? Хочу напомнить, что поданное нашим фондом обращение...

– Чего это он мелет? – возмущается Макс. – Какие обращения? Какое правовое... Тьфу! Тут же о другом речь! О другом!

Савин, наконец, затыкается, ведущая благодарит его и снова остается в кадре одна:

– Мы надеемся, что компетентные органы предпримут все необходимые меры, чтобы свести на нет ущерб гражданам, чья собственность была похищена и приведена в негодность. А также чтобы предотвратить подобные случаи в дальнейшем. А теперь о погоде...

– И это все? – Максим смотрит круглыми глазами. – И это, мать их, все?

Тянется, протискивается между передними креслами, зло тыкает кнопку. Экран гаснет, и Макс тяжело плюхается на место.

А я думаю о том, что Векшин, наверное, тоже видел этот выпуск. Но звонить ему сейчас не стоит: все равно не возьмет трубку – ему есть, что сказать, но теми словами, которыми он не станет говорить при мне.

* * *

– Ну, наконец-то! – маман в кои-то веки сама открывает мне дверь и разочарованно поглядывает за мою спину. –

А ты чего сама? Я думала...

– Сейчас подъедут.

Ксо я нахожу на кухне: стоит у шкафчиков, вытянувшись стрункой за закрытой дверью. В старой отцовской рубашке в клетку и потертых серых джинсах. Белые волосы собраны в пучок. На месте одного глаза – черная яма.

– Тебе больно?

– Да, – отвечает Ксо.

– Лекарства какие-то пил?

– Нет. В отсутствие инструкций от гарантийно-ремонтной службы мне запрещено принимать лекарственные препараты без крайней необходимости.

– Хоть обезболивающее.

– Да зачем ему лекарства? – маман заглядывает в кухню, охает за моей спиной. – Марта, ну что ты! Какие лекарства? Если в гарантийке узнают, скажут: вы его таблетками накормили, вы теперь и ремонтируйте!

– В этом нет необходимости, я в состоянии потерпеть, – подтверждает гемод.

Конечно же, Ксо увозят: требуется операция, пару дней матери придется пожить самой.

И, конечно же, лечить его будут за мои деньги. А значит, предложение Макса вернуться на работу становится почти заманчивым: зарплата министерская невелика, но на ремонт гемода как раз хватит.

– За что ты его? – спрашиваю, когда синий фургон с надписью «ООО «Гемод» скрывается на соседней улице.

– Я? – наигранно возмущается маман. – Да что ты! Я бы никогда!

Мы стоим на крыльце. Клумбы, разбитые Ксо по обе стороны от дорожки, горят хризантемами. Сорванные ветром зелено-золотые листья медленно кружатся, падают на свежую газонную траву и прямо на цветы. В воздухе ощутимо пахнет осенью.

«Нам несказанно повезло жить во время великих открытий. Время, в котором, возможно, будут побеждены болезни и найдены рецепты долголетия, о котором раньше можно было лишь мечтать! Генная инженерия открывает столько дверей! А люди вроде вас цепляются за устаревшие понятия морали, применяя их к искусственным созданиям, имеющим, если разобраться, не так много общего с человеком! Именно такие, как вы, и тормозят применение разработок и методов, которые уже могли бы спасти жизни. Сотни, тысячи жизней!»

Из комментариев в блоге П.П., анонимно

Глава 5

– Приветтики! – на этот раз Лидка почти вовремя. Она в легком пальтишке и джинсах-скинни. Сменила туфли с каблуками на новенькие лоферы. И шарф накрутила объемный. Подготовилась, в общем. – Хорошо, что ты позвонила, а то забегалась совсем!

Вывеска «Черной рыбы» зловеще поблескивает на кирпичной стене. Чтобы не проводить вечер в пролистывании новостей, надеясь увидеть хоть что-то обнадеживающее, я решила прийти сюда. Сегодняшняя тема встречи: «Право на уникальность». Вполне в духе Савина.

Уйдя от матери, я долго еще гуляла по району, пила кофе, сидя на скамеечке в парке, не сдаваясь холоду, наблюдая, как облетают листья. Раньше я думала, что только в СМИ скажут о подпольных цехах – все изменится. Нет, не глобально: ВСЁ. Но люди поймут, что происходит что-то неправильное, неестественное для человека, будет хоть какой-то резонанс! Однако, время от времени пролистывая новости на виртуальном экране, я увидела пару ссылок на утреннее интервью Савина и больше ни-че-го.

Наивно было ожидать изменений сразу, но после того, как Макс выключил экран в машине, я поняла вдруг: а перемен не будет. Вернее, они будут совершенно не в ту сторону, в какую логично предположить.

Дискуссия «Право на уникальность» собрала еще больше людей, чем предыдущая. И все они, словно вопреки теме, кажутся мне похожими. Их «уникальность» явная, подчеркнутая. У кого-то очки в массивной оправе, как у Иванны – может, это теперь модно? Кто-то иллюстрирует понятие многослойности. Есть уже знакомая мне девушка, завернутая по уши в шарф, и есть лысеющий мужчина с очень похожим нагромождением вокруг шеи. Парень в рубашке с попугайчиками под бордовый брючный костюм – ладно, весело зато. Девушка, обвешанная перышками, ленточками, амулетами. В каждом находится что-то этакое, что заставляет присматриваться, пытаться понять: как, зачем он это напялил? Ну ладно: разгадать тайну уникальной личности, скрывающейся под этими шарфами-ленточками-попугайчиками.

Лидка тоже в шарфе теперь – не снимает его, поправляет то и дело. На этот раз она одета почти «как надо», только все равно отличается: слишком женственная, слишком яркая с красной помадой, длинными ногтями и сочным оттенком идеально уложенных локонов.

Она отхватывает стульчик, а я устраиваюсь на каремате: удобно и место хорошее – можно разглядывать всех, оставаясь наименее заметной. Подозреваю, я тоже выгляжу инородно. Слишком нормально. Скучно. И без восторженности во взгляде, которая полагается тем, кто еще не познал дзен шарфов и попугайчиков.

– Наш сегодняшний гость, – объявляет Иванна, когда все расселись и притихли, – Валерий Читков, друг и помощник Мики Савина, которого вы наверняка все знаете. А те, кто был у нас в прошлый раз, даже лично познакомились.

Очень жаль, что не Савин, очень жаль. В этот раз я зада-
ла бы ему несколько вопросов!

Тощий мужчина в светлом костюме, дополненном нежно-сиреневой – как у Савина прямо! – рубашечкой, поднимается с кресла, кланяется вроде как в шутку. У него бесцветные глаза, подвыпученные, словно у рыбы, и козлиная бородка. С таким набором можно позволить себе ходить без шарфа.

– Очень рад, что сегодня здесь столько интересных людей, – гость ухитряется одновременно и говорить, и широко улыбаться. – Как вы, наверное, знаете, благотворительный фонд «Соцветие» в настоящее время занят проектом, который напрямую связан с темой нашей встречи! Уникальность, – он поднимает указательный палец. – Уникальность – один из главных признаков человека, развитой и полноценной личности. И проявляться она может в чем угодно – внешности, манере одеваться, привычках и вкусах. Право на уникальность – одно из основных прав человека! – Читков обводит собравшихся многозначительным взглядом и, удовлетворенный увиденным, откидывается на спинку кресла. – Давайте сегодня поговорим о том, что выделяет каждого из нас из серой массы. Предлагаю для обсуждения такой

вопрос: в чем выражается ваша уникальность?

По мне, правильной спросить сперва, что каждый понимает под уникальностью. Но чтобы понимать – это еще думать надо. Мало ли, в каком направлении пойдут мысли, и до чего народ додумается? Пусть лучше сразу выражает.

И, словно стремясь не обмануть моих ожиданий, многие говорят именно об одежде, в лучшем случае – о музыке, которая нравится, или каких-то других предпочтениях. Даже Лидка. Одна девочка признается, что пишет песни – это самый краткий и содержательный ответ.

Разговор плавно переходит на сексуальные предпочтения, экстравагантное поведение.

– Каждая личность имеет право на самовыражение. – Собравшиеся слушают Читкова, некоторые делают пометки в блокнотах. Лидка раскладывает на коленях записную книжку в изящном переплете, порхает над страницами ядовито-розовый пушистик на кончике ее авторучки. – Не ограничивайте себя! Не сдерживайте своих желаний! – Больше-розовый парень, которого я видела в прошлый раз, подается вперед и кивает на каждую фразу. – Поиск себя – ответственная ежедневная работа. Стремитесь попробовать все! И помните: вы ограничены лишь теми рамками, которые ставите себе сами.

Поднимаю руку, жду, пока на меня обратят внимание.

– Да, Марта, – улыбается Иванна.

– У меня вопрос. Вы считаете, общество обязано предо-

ставить безграничные возможности для самовыражения?

– В пределах разумного, конечно же, – отвечает Читков. – Преступники тоже самовыражаются, но о крайних случаях мы не говорим.

– То есть, если не нарушать закон, можно все?

Читков с Иванной переглядываются.

– А почему нет? – пожимает плечами Иванна.

– Сейчас ваша организация, фонд «Соцветие», – говорить, глядя на них снизу вверх, мне неудобно, и я поднимаюсь на ноги, – занимается вопросом гемодов. Насколько я могу судить из интервью вашего коллеги, Мики Савина, вы выступаете за то, чтобы всякие признаки отношения к гемодам как к людям были упразднены.

– Прошу прощения, – встречается Иванна, – но гемоды – не люди.

Прямо как Рик. Согласно заложенной программе.

– Физиология идентична, как вы знаете. И, если бы не дизайн, мы бы вряд ли сходу отличили гемода от человека.

Похоже, никто не ожидал, что разговор пойдет в таком русле. Что из проповеди с согласным киванием и поддакиванием превратится в дискуссию. Несколько человек несмело тянут руки. Девушка в объемном шарфе хмурится и так втягивает голову в плечи, что ее лицо почти совсем скрывается за складками ткани. Иванна вертит в пальцах маркер. Лидка смотрит на меня с испугом, на побледневшем лице яркие губы и глаза кажутся нарисованными.

– Рассматривать вопрос лишь с физиологической стороны было бы неверно, – Читков до сих пор улыбается, и его улыбка фальшивей, чем у Рика. – Скажите, Марта, вы видите в них людей?

– Вопрос не в том, что или кого вижу в них я. Вопрос в том, что или кого видят те, кто их калечит. – Я вспоминаю розовое от ожога лицо в бликах от блесток. Вспоминаю Ксо с негарантийным повреждением – выбитым глазом. – Что или кого видят те, кто их убивает. И те... – Замолкаю на секунду, подыскивая нужные слова, которые не звучали бы столь чудовищно. Вспоминаю последний цех, голову в холодильнике. Другие, мягкие слова не находятся: – И те, кто их ест.

Поднятые руки тех, кто хотел возразить мне, замирают. Жалко нарушать эту тишину. Хочется надеяться, что сейчас вот эти все – и в шарфиках, и в рубашках с попугайчиками, и обычные ребята, забредшие в интересное место на интересную тему – что сейчас они думают. Дружно думают над чудовищностью происходящего, которую так ловко спрятали в новостях, выдав вместо сводок Савина, осуждающего несовершенные законы.

– Давайте так, – Иванна поправляет очки. – Мы знаем, что гемоды – это искусственные организмы, созданные человеком для удовлетворения разнообразных потребностей. И связанные с этим вопросы еще недостаточно урегулированы...

Коммуникатор пищит, я хочу сбросить, но вижу, что от Макса.

– Прошу прощения, срочный звонок, – и нажимаю «принять».

– У нас вызов, – говорит Макс. – Поедешь?

– Я в «Черной рыбе». Выйду к метро, выезжайте.

Вот так, стоит ненадолго забыться...

Автомобили снуют по проспекту, люди проходят мимо. Много их сегодня. Ах, да – пятница ведь!

Стою под деревом, не опасаясь остаться незамеченной: Рик разглядит. Ближайший фонарь моргает нервно – перегорит скоро. Промозгло. Погода испортилась. А может, это я изнутри мерзну от предчувствия всего, что увижу. И от страха, что в этот раз жертвой может оказаться не кто-то из пропавших двадцати шести, а опытный образец А-46. Или А-47, 48... сколько их там на самом деле?

Министерская машина останавливается у бордюра. Запрыгиваю на боковое.

– Что там? Опять?

К счастью, на этот раз – нелегальные рабочие. Четверо отощавших, серых от усталости и недосыпа, но послушных, как телята, гемодов.

– Как их достали – мы еще разберемся, – участковый деловито поправляет фуражку. – Их тут вместо стройбригады: работают быстро, все на совесть делают, да еще и лишне-

го не сболтнут. Они это... немые все. Их же починят? Или за письменный доклад посадить?

Гемоды стоят, сутулясь, покачиваясь, и смотрят прямо перед собой: глаза на бледных лицах как угольки, поредевшие волосы, тяжелые от грязи, висят сосульками.

– Позвоню в корпорацию, им нужна медицинская помощь. Потом допросите.

– Да ладно, – отмахивается участковый. – Им-то что? Жалеете, что ли? Они ж все равно... не люди.

– А мы?

* * *

Хорошо, что у меня нет выходных, в общепринятом смысле: не так обидно за испорченную пятницу. Дома тихо и привычно спокойно. Если не включать свет, можно долго смотреть на небо, различая переливы оттенков: синий, серый, фиолетовый, голубоватые прожилки, вкрапления бирюзы. Но сейчас мне не хочется сидеть в темноте, освещение включено на максимум, и за окнами – чернильная тьма.

Напиться бы, но в одиночку как-то совсем грустно. Косте звоню – не отвечает. Занят, видно, до сих пор. Включать телевизор не хочется. Открыв лэптоп – дома с ним удобней все же, чем с виртуальным экраном – устраиваюсь на кровати за чтением новостей. Натыкаюсь на новые Лидкины фотки: только что выложила, похоже, в «Рыбе» и фоткались. Сидят вокруг невысокого столика. Чай в разномастных круж-

ках, печеньки на блюдечках. Надо бы ей, кстати, позвонить, а то я сбежала, воспользовавшись пусть и неприятным поводом, оставив ее одну.

Лидка тоже долго не отвечает, и я уже думаю сбросить, когда в динамик врывается грохочущая музыка и голос:

– Марта, подожди, я сейчас на улицу выйду!

Музыка понемногу гаснет, я слушаю Лидкино дыхание, чьи-то выкрики, смех. Потом:

– Ну, говори, куда это ты убежала? Макс, что ли, снова на вызов попросил? Могла отказаться, так интересно было! А мы потом в клуб пошли, в «Инфинити». Ну, помнишь, я тебя звала туда? Мы тут с Иванной, с другими ребятами... Читков тоже побыл немного, потом ушел. Он такой, – Лидка понижает голос, хихикает, – скучный и смешной немного. Жаль, конечно, Савина не было, но все равно классно!

Что ж, значит, Лидка не в обиде.

– В общем, вам там не скучно, – выдаю просто, чтобы поддержать беседу. Как они с народом из «Рыбы» веселятся – мне неинтересно.

– Не! – радостно выдает Лидка. – Ой, сейчас я тебе фотку скину – приколешься!

И тут же мигает иконка сообщения. Открываю и несколько мгновений смотрю в полной уверенности, что глаза меня обманывают. Но сколько ни моргай, картинка не меняется: довольная Лидка сидит за столиком, перед ней на тарелке – рука. Просто кисть. Отдельно от всего.

– Муляж, – это я не Лидке, сама себе. Убеждаю. Но она еще на связи. Смеется.

– Не, Марта! Это съедобное!

– В смысле? – наверное, я все-таки заснула, и этот разговор с подругой мне снится. – Гемоды... их же... нельзя, незаконно.

– Марта, ну ты что! Какие гемоды! Это обычная телятина, просто сделано так. Ну, по приколу, понимаешь? – Лидка театрально вздыхает. – Темный ты человек, Смирнова! У тебя в магазине под боком такое уже пару месяцев продается! Целый прилавок. Вовремя запустили, под Хэллоуин точно разметут!

Выдыхаю. Мысленно делаю пометку: как пойду в магазин – добраться-таки до мясного прилавка. Слишком долго соображаю, что сказать, Лидке становится скучно.

– Ладно, я побегу обратно, а то подмерзла уже...

– Ага, – выдаю машинально. – Повеселись там.

И еще несколько секунд слушаю в динамике шипящую тишину.

Окна моей квартиры-студии, ничем не занавешенные, теперь дают. Огромные черные прямоугольники. Сейчас бы веселеньким тюлем задернуть, спрятать за жалюзи, но, наверное, сквозь прорехи в ткани, сквозь щели будет пробиваться эта внешняя чернота.

Обновляю Лидкину страницу на экране ноутбука. Она успела выложить ту фотку, которую присылала мне. И еще

одну, где моя подруга, кокетливо улыбаясь, держит на вилке ухо, неотличимое от настоящего. Человеческого.

Выбраться из теплой постели трудно, только я понимаю, что не смогу спокойно заснуть, не увидев своими глазами. Магазин работает круглосуточно, до него – через двор и дорогу перейти. Недалеко, в общем. Людей мало: степенные пары нагребают полные тележки салатных пучков, овсяных хлопьев, детского питания, пестрых мочалок для посуды и жидкого мыла в больших банках.

Охранник провожает настороженным взглядом, а я быстро прохожу мимо овощей, мимо хозтоваров и акционки и замираю у прилавка в мясном отделе. Там на полке в упаковке из пищевой пленки – уши. Человеческие. А правее – пальцы. Кажется.

Поднимаю взгляд. Веселая вывеска, на ней – лохматый здоровяк с дубиной: «Лавка людоеда». И ниже: «продукция из натуральной говядины».

Костя снова не отвечает, но теперь-то я знаю, как до него добраться. Открываю почту, отправляю ему Лидкину фотку. Минуту спустя коммуникатор начинает пищать.

– Это кто? Где? Это что такое? – сходу сыплет вопросами Векшин.

– Привет, – отвечаю. – Это моя Лидка в ночном клубе «Инфинити».

– Там что... Черт. Когда? Ребят сейчас дерну...

– Не надо. Там законно все. Это говядина, если что. Натуральная.

Пауза. Потом:

– Не понял. Бутафория что ли?

– Да как сказать. Вполне съедобная бутафория. Сейчас тебе еще фотку кину... Только что в магазин выбежала, их прилавок нашла. Охрана косилась, так что фотка смазанная, но разглядеть можно.

Отправляю. Костя молчит. Долго.

– Вот же... – выдает наконец. В голосе его уже не злость – усталость.

– Что с этим делать, Костя? – спрашиваю.

– Не знаю я, что с этим делать, – отвечает Векшин, и от этого признания у меня холодок по спине. – Все идет к тому, что они это легализуют.

Что «это» – нам расшифровывать не надо.

– Угу. И у тебя поубавится работы.

– Да. Их не надо будет красть. Все по закону. Ферму откроют, может. В магазине еще один прилавок поставят.

– Думаешь, до этого дойдет?

Он хмыкает:

– Почти не сомневаюсь.

– Но ведь... это же бред! Это бред, Костя! Ты же сам понимаешь, какой это бред! Сказал бы кто пару лет назад, даже год назад, что мы будем обсуждать такое, на вызовы ез-

дить... Это же, это...

Не нахожу слов. Есть грани, которые человеку переступить немислимо, есть табу настолько древние, сильные, что само их нарушение нами по умолчанию считается диким, почти невозможным, потому что за этими гранями теряется само право называться человеком.

Но сейчас в узенькой лазейке этого «почти»: прилавок «Лавки людоеда», Лидкины клубные фото и Савин с его идеей ферм для гемодов.

– Что делать, Костя? Что-то же можно сделать?

Векшин молчит. За моими окнами – черная бездна, и у нее тоже нет ответа.

«Люди не так уж отличаются от гемодов, если разобраться. Говорят заученными, правильными фразами, опасаются иметь мнение, отличное от общепринятого, не модное и не прогрессивное. Но внешность гемодов стандартизирована удачей: сколько бы современным модницам ни гнаться – делать трендовые прически, макияж, татуаж, покупать джинсы, жакеты и сумки одних и тех же известных марок – им не сравниться с гемодами. Те всегда в тренде. Всегда идеальны и не выбиваются из колеи. Может быть, именно поэтому мы не можем признать их достойными хотя бы человеческого обращения, не можем простить этой нами же придуманной идеальности.

И именно поэтому делаем с ними то, что хотели бы сде-

лать с лучшими из нашего окружения, с теми, до кого нам ни при каких обстоятельствах не дотянуться».

П.П.

Глава 6

– Мой гемод-сиделка не справляется со своими обязанностями. Я могу его вернуть?

Знакомая уже бабушка сидит в кресле напротив, смотрит на меня сквозь очки устало и грустно. Ее трость, увенчанная серебряной птичьей головой, прислонена к креслу. Макс в пол-уха слушает – в «морской бой» играет, как пить дать. Рик изображает интерес, но посетительница не обращает на него внимания.

Я-то собиралась отчеты просмотреть, войти в курс дел перед тем, как Макс уйдет на пару месяцев, оставив отдел на меня. Но вместо спокойной и скучной работы: одно заявление о пропаже, одно изъятие образца, вышедшего из строя в результате побоев. «Застрахован, – отмахнулся хозяин. – Должны починить или заменить. Пусть меняют лучше – слишком медленный стал». И то правда: с несросшимся переломом бедра не побегаешь.

И посетителей – очередь. Их Максим с удовольствием спихнул на меня.

– Чем именно он вас не устраивает?

Женщина мнется, крутит в пальцах набалдашник изящной трости.

– Я живу одна. Мне бывает иногда неуютно, страшно. Я прошу его просто посидеть рядом, у постели. Он сидит, слов-

но жердь проглотил. И смотрит в стену. С таким еще страшнее, будто это не сиделка, а сама смерть за мной пришла.

– Простите, но... – беспомощно развожу руками.

– Я просила его: ну хотя бы изобрази участие! Сделай вид, что тебе не все равно, что со мной! А он... – у нее трясется подбородок и прыгает в дрожащих пальцах серебряная птичья голова. – А он мне: приношу извинения, но основы актерского мастерства не являются частью моей программы.

Макс фыркает и прячется за лэптоп. Женщина, прижав к лицу тонкий платочек, плачет. Рик хлопает глазами и – хвала мирозданию! – молчит.

– Вы можете его вернуть, конечно. Вот бланк заявления...

Проводив посетительницу, я закрываю дверь – торопливо, чтобы не знать: обернется ли она, будет ли снова плакать или просто направится к лифту.

– Я прихожу к заключению, – подает голос Рик, – что стандартные программы подготовки не дают достаточного набора умений, чтобы полноценно служить хозяину.

– О, парень, да ты проявляешь чудеса сообразительности! – хохочет Макс.

– Это не чудеса, а достижение новейших технологий, – спокойно возражает гемод.

И в это время у меня пищит коммуникатор.

– Здравствуйте. Марта Игоревна? Меня зовут Александра, я веду программу на областном радио. «Тема дня». Может, слышали? Нет? Ничего... у нас на вторник тема: «Ге-

моды и люди». Вы же работаете в отделе по делам искусственных организмов, да? Простите, что звоню только сейчас, тут просто накладка вышла... Вам удобно будет завтра на десять утра?

– На радио? – переспрашиваю. Макс подсказывает вдруг, начинает подавать какие-то знаки. – Минуточку, пожалуйста.

И прикрываю наушник ладонью.

– Мне вчера звонили, спрашивали, не могу ли я прийти на программу к ним, что-то про гемодов... Я им твой номер дал, – Максим пожимает плечами, улыбается. – Ты же знаешь, я выступать как-то не того, ну... А ты же пишешь все-таки, и сказать на тему сможешь лучше и больше, да?

Еще и это на меня спихнул, значит? Я собираюсь ответить, чтобы топал сам на свое радио, но вспоминаю вчерашний разговор с Костей и повисший вопрос. Пожалуй, что-то я все же сделать смогу.

– Слушай, Марта, – окликает Макс через время, – а ты Песца читаешь? Это блогер такой, о гемодах много пишет, новости собирает... Да ты точно видела, все министерство читает!

Это он о «П.П.» – на аватарке песец изображен.

– Видела, – признаюсь. – Противник гемодов и враг всего прогрессивного общества. Что там у него сегодня?

Макс, щурясь, всматривается в экран.

– «В „Инфинити“ выпили за бесконечность», – читает. –

О, тут Лидка твоя засветилась! *«Клуб „Инфинити“ любит удивлять и шокировать гостей. В этот вечер им были предложены изысканные блюда в неожиданном оформлении»* ... И тут эта «Лавка людоеда»! У нас в маркете прилавков поставили, так мне там после вызовов хоть не ходи, – Макс тяжело вздыхает, тянется к стакану с остывшим кофе. – Маришка говорит: глупости, не стоит внимание обращать, но мне каждый раз не по себе.

Сегодня фото из «Инфинити» во всех СМИ. Модный обозреватель пишет: «Очень стильно, обязательно надо попробовать такое на Хэллоуинскую вечеринку».

Настроение нерабочее. Надеюсь немного упорядочить мысли, я просматриваю новости по тегу «гемод», собранные в песцовой норке. Тут и ссылка на видео, когда в новостях сказали о подпольных цехах, и заявления Савина о защите прав «особых людей». В обратном порядке смотреть любопытно. Забираюсь в архивы, клацаю наугад страницу двухгодичной давности. Сообщение о первом легализованном борделе, укомплектованном сплошь гемодами, и в тот же день: «Шокирующая новость: универсальный помощник до смерти избит хозяином!» Надо же, когда-то это шокировало.

И когда-то утрату гемодом функциональности еще называли смертью.

* * *

– И сегодняшний гость нашей программы: сотрудник от-

дела по делам искусственных организмов при министерстве соцполитики Марта Игоревна Смирнова, – Александра Валерьевна смотрит на меня, улыбается. Кивает, напоминая, что мне стоит поздороваться.

Я чуть наклоняюсь к микрофону, однако, заметив жест ведущей, отстраняюсь, сажусь прямо.

– Доброе утро.

– Марта Игоревна, скажите, пожалуйста, как вы лично относитесь к гемодам?

Ведущая кутается в шаль: несмотря на почти летнюю жару снаружи, здесь прохладно, и я, одетая в скромное короткое платье без рукавов, жалею, что не взяла пиджак.

– В первую очередь я стараюсь не смешивать личное отношение и профессиональное, – сидеть, сложив руки на старой столешнице, как-то неловко. И непривычно без наушника. Он хоть маленький, к вечеру я от него устаю и спешу снять, но теперь, когда он лежит в сумочке вместе с отключенным коммуникатором, я постоянно ощущаю: чего-то не хватает. Из-за этого мерзнет левое ухо и запястье, вернее, тот участок кожи, который обычно спрятан под «браслетом». – Сейчас главное: поддерживать баланс в отношениях между гемодами и людьми. Тут я вижу две проблемы: излишнее очеловечивание и, наоборот, отношение как к игрушкам, на которых можно сорвать злость и вообще делать с ними что угодно.

– Скажите, Марта Игоревна, – голос у ведущей мягкий, музыкальный – такие звучали из старого, дедовского еще

приемника в деревенском доме отца и, наверное, из всех старых приемников страны, по всем региональным радиостанциям, — а вы знакомы с недавними разработками доктора психологии Людмилы Васильевой? Вот буквально на днях вышла ее статья, — Александра неслышно подвигает ближе распечатку, — о перспективах использования универсальных помощников в преодолении последствий психологических травм и комплексов. Терапия, предложенная доктором Васильевой, заключается в том, чтобы отыграть болезненные ситуации не на живом человеке.

— А какие примеры ситуаций приводит доктор Васильева?

— Например, если вам хочется кого-то обозвать, накричать, ударить, — Александра Валерьевна плавно кивает в такт перечислениям.

— Покалечить, избить, — подхватываю я. — Надеюсь, убийство в терапевтических целях еще не предлагается?

Вместо того чтобы отшутиться и опровергнуть, ведущая теряется.

— Я хотела бы напомнить, что, раз гемод не является живым существом, то и полное лишение его функциональности не может считаться убийством, — выдает она, наконец.

Совсем как Рик!

— Тогда и я хотела бы напомнить, что человек является существом социальным, и не должен преступать некоторые границы, такие как убийство себе подобного. За исключением случаев самообороны, при прямой угрозе жизни и здоро-

вью, разумеется. – В темной студии мы одни, если не считать звукорежиссера за стеклом, но я вдруг осознаю, что в это время наш разговор слышат тысячи. Может, преувеличиваю: кто в наше время слушает областное радио, где говорят мелодичными голосами уютные женщины и благовидные дядечки? Но пока возможно сказать то, о чем почему-то молчат, я попробую. – Узаконенное, а еще хуже – поощряемое насилие в отношении гемодов, в конце концов, размывает эти границы, и уже легче будет просто так, потому что захотелось, ударить кого-нибудь или даже убить.

– Насколько я знаю, – Александра тербит распечатку, – с распространением универсальных помощников преступность существенно снизилась.

– Так и есть, но...

– Вот видите! Значит, есть смысл...

– Процесс преодоления табу всегда требует времени. А в нашем случае речь идет не об одном конкретном человеке, а о целом обществе.

– То есть, вы не согласны с выводами доктора Васильевой?

– Я не могу быть согласна с ней или нет, потому что не читала ее статью. Но я против насилия над гемодами.

– Что ж, понимаю. Вы, как сотрудник ведомства, которое занимается искусственными организмами вплотную, вряд ли можете иметь иную точку зрения, – Александра Валерьевна улыбается примирительно – ей, видно, хочется уйти от острой темы. – Напоминаю нашим слушателям, что они

могут звонить и задавать вопросы в эфире...

Она диктует номера, потом предлагает пообщаться о работе ведомства. Во время разговора подает знак, чтобы я взяла наушник: на линии появился слушатель.

– Хочу поблагодарить Марту Игоревну за ее работу, за то, как она всегда внимательна, всегда выслушает и подскажет, что делать. И, конечно же, полностью разделяю ее мнение...

Я слушаю и вижу ее: сидящую в моем кабинете, сжимающую в пальцах трость с набалдашником в виде птичьей головы.

За ней – мужчина, вроде немолодой. Его голос дребезжит от возмущения:

– Это что же прикажете, кукол этих – за людей? Нет в них людского! Нет божественной искры! Нет души!

Где-то я это уже слышала, да.

Снова мужчина, голос высокий и какой-то мяукающий:

– Наука на протяжении веков ищет пути к продлению человеческой жизни, к бессмертию, а люди вроде вас, необразованные, малограмотные, пытаются распространить свои пещерные представления...

После передачи мы с Александрой Валерьевной пьем чай в ее комнатухе.

– Жестко вы, – осторожно замечает она. – Звонков было много, не все удалось принять. Может, еще одну передачу сделаем, если запрос будет.

– Отчего жестко? – В студии я замерзла, отогреваюсь теперь. Пиджак – в машине, но у Александры есть плед. Часто пригождается, наверное. – По-моему, я не сказала ничего такого... Вот подумайте сами: смогли бы вы убить? Не человека – гемода, который бы ни в чем перед вами не был виноват, стоял бы себе и не сопротивлялся.

– Убить? – на лице женщины мелькает гримаса отвращения. – Зачем?

– А если бы вам врач сказал. Выместить негативные эмоции, к примеру.

Она подпирает полной рукой подбородок и, уставившись на завешенную дипломами стену, задумывается:

– Не знаю даже. От ситуации зависит. Если уж врач...

Рик, ожидавший в холле, поднимается мне навстречу. Ради такого дела Макс отправил его за мной на машине.

– В Министерство? – уточняет.

– Ага, – я окидываю взглядом его фигуру в сером форменном комбинезоне с нашивкой «муниципальная собственность». А ведь рациональный Рик, вероятно, нашел бы идеи доктора Васильевой обоснованными, а «терапевтическое» насилие – оправданным. Сам ведь повторяет: «гемоды – не люди». И не испытывает к собратьям ни малейшего сочувствия.

Машина ждет недалеко от крыльца. Солнце уже высоко. Жарко. А у меня мурашки до сих пор – не отогрелась. Рик

обходит авто, а я останавливаюсь и, запрокинув голову, щурясь, смотрю, как на фоне по-весеннему голубого, яркого неба золотятся листья клена. И в который раз думаю: как же стало возможным для нас, людей, жить в таком прекрасном мире и так ненавидеть саму жизнь?

Удар в плечо мигом возвращает в реальность. Парень в спортивном костюме бежит к стоящим неподалеку высоткам. Сжимая в руке мою сумочку с оторванным ремешком.

– Стой! – бросаюсь следом, но на каблуках быстро не побегаешь! – Стой! Рик, держи его!

Рик несется за ним, скрывается в арке, а я, проклиная свои невысокие, но совершенно неприспособленные для бега каблуки, прыгаю следом. Под арку, во двор... Никого. Ни воришки, ни Рика. Скрывается за углом дома серый фургон, а я растерянно и беспомощно оглядываюсь.

– Рик! Рик, ты где?

И едва не падаю, споткнувшись о собственную сумочку.

– Нет, номера не успела... Передатчик же... Что? Глушат? Черт! Костя, пожалуйста, скорее! Найди его, я очень тебя прошу!

Туфли болтаются в руке. Вместе с сумочкой. Черт, ну как я могла так глупо? Черт!

Оббежала весь двор – ни следов, ни свидетелей. Время такое: кто на работе, кто на рынке, кто в домашних делах. Есть надежда, что видели в окно, да вряд ли номера запомнили.

А серый фургон и я заметить успела. Толку, правда...

– Макс, это я! Рика украли! На уши всех, слышишь? Пригрози, что он гостайну выдаст какую-нибудь... Да знаю, что не выдаст! Придумай что-то, пусть ищут! Давай, давай скорее, ну!

Как я могла так попасться? Ведь помню же, бабулька с тростью рассказывала точно такую же историю: у нее сумочку вырвали, гемод погнался за воров.

– Анна Юрьевна, это Марта, из отдела. Рика украли. Только что. Сделайте, что можно, у вас ведь приборы и... да, понимаю. Простите. До связи.

Дойдя до машины, прислоняюсь к дверце – спиной, голыми плечами – нужно перевести дыхание.

Передо мной возвышается старое здание радиостанции. Камеры! Тут же наверняка есть камеры!

Вахтер сам выскакивает навстречу.

– Простите, вы... э...

– Только что украли моего гемода. Нужны записи с ваших камер наблюдения. Срочно.

– Я... э... не имею права.

Протягиваю руку с «браслетом».

– Имеете.

Он смотрит с сомнением и опаской. Ну да: растрепанная, босая, по колено в пыли. Но считывает удостоверение и, наконец, ведет меня в свою будку. Отматывает запись на фронтальной камере минут на двадцать. И я снова вижу, как про-

бегает мимо парень в спортивном костюме, пряча под капюшоном лицо. И как глупо, по-бабски, я бросаюсь за своей бесценной сумочкой. Отправляю за ней Рика.

Черт. Хочется ее вышвырнуть теперь, только это уже не поможет.

– Дальше отмотайте, дальше...

Спустя час я забираюсь в авто. Привычно, на переднее пассажирское. Упираюсь неподвижным взглядом в лобовое стекло.

Новостей никаких: ни от Кости, ни от Макса, ни от Авериной.

Вот как можно было так глупо? Как?

Вздыхнув, перебираюсь на место водителя. Пододвигаю кресло, подстраиваю зеркала. Надеваю туфли. Только тут замечаю, что где-то ободрала коленку – кровь засохла темными потеками на пыльной коже.

Куда теперь? К Векшину? Только мешать буду.

Значит, в министерство, за протоколы, опросы, фотографии с мест преступления – может, откопаю что-то? В конце концов, большего я сейчас, наверное, сделать не смогу. Разве кататься по городу в поисках серого фургона. Но что-то же надо делать, хоть что-нибудь! Потому что если мы не найдем Рика сегодня...

В сердцах бью руль, и гудение клаксона прокатывается по пустой улице, распугивая воробьев. Я давно не водила,

ну да ладно: движение в это время спокойное, машин мало. Доеду.

* * *

– Точно, именно так и было: вырвал у меня сумочку и давай убежать! А я, глупая, отправила его... гемода... за ним, – голос в динамике ненадолго умолкает, а потом я слышу осторожное: – Значит, вашего тоже украли?

– Да... Это ведь вы звонили на радио? Спасибо.

Записи с камер в окрестностях проверены, сотрудники радиостанции опрошены Векшиным и его ребятами.

Ни-че-го.

– Мы ищем, – Костя, перехваченный мною на проходной, серьезно смотрит в глаза. Его темные волосы отливают медью под солнцем, а рваная полоса шрама на скуле белеет, не тронутая загаром. – Смирнова, ты ведь понимаешь, что мы можем не успеть? Это всего лишь гемод, обыкновенный гемод. Не убивайся так, поняла?

– Да я не... обыкновенный, да.

День, второй, третий. Мы уже наверняка опоздали. Не хочу этого принимать. Пусть Рику повезет. Обыкновенный, такой же, как тысячи его собратьев, неотличимый от них внешне – пусть он просто окажется везучим.

Доктор Васильева выступает с заявлением о противодействии со стороны государственных органов. В пример при-

водит мое интервью на радио:

– Вот что бывает, когда такие серые, не выдающиеся люди получают власть над другими и начинают распространять свое невежество, – она смотрит с экрана монитора: здоровенная, с буграми на лице и неопрятными седыми, плохо покрашенными волосами. – Я подозревала, что мои работы встретят непонимание, но такие нападки от человека, который совершенно не разбирается в проблеме... – женщина разводит руками и кривит губы в усмешке.

– Да уж, – комментирую я из-за плеча напарника, который и позвал меня глянуть интервью, – если видеть такое в зеркале ежедневно – поневоле захочется убивать.

Макс оборачивается, смотрит обиженно. Негатив по отношению к полным людям он постоянно, по поводу и без, принимает на свой счет. В другой день я бы извинилась, но сегодня слишком злая – не до чужих комплексов. Найдем вот Рика, тогда, может быть...

Я теперь в Министерстве даже сверхурочно. То и дело от начальства приходят запросы, и мне, «засветившейся» на радио и в деле с похищением Рика, теперь с рабочего места никуда.

– Что ж ты так, Смирнова? – заглядывает Ольга Дмитриевна из отдела кадров, моя бывшая начальница. Немаленького роста, широкая, затянутая в строгое черное платье, она распекает меня, как маленькую, качая головой с уложенными в высокую прическу волосами. В ее присутствии в на-

шем кабинете становится тесно. — Умнее надо быть. Не высываться. Теперь либо увольняйся официально, либо работай, как все: начальство интересуется, так что больше я тебя не прикрою.

Приходит рассылка от «Черной рыбы»: «Всех, кто хочет расслабиться, забыть об условностях, поиграть с воображением и ненадолго попасть в немного страшную, но очень веселую сказку, приглашаем на трэш-вечеринку! Приходить желательно лохматыми и в звериных шкурах! Иметь при себе дубинку!» Сообщение сдобрено кучей смайликов. В мелкой приписке о партнерах и спонсорах попадаетесь на глаза название: «Лавка людоеда».

Кажется, это сегодня.

И Лидка пишет: «Идем-идем обязательно!!!»

А вечером звонит Костя. Ровным голосом диктует адрес. Максим за рулем. Едем. Сворачиваем с проспекта в проулки-закоулки, машина подпрыгивает то и дело.

Молчим.

Фургон опергруппы Векшина ждет возле неприметной замызанной двери. Как во сне, я переступаю порог, иду. Что-то шипит вокруг, жарко, гудят под потолком дешевые лампы. И очень знакомо, до тошноты, пахнет кухней.

— Дальше, — коротко выдает Костя. Я делаю еще несколько шагов и останавливаюсь.

В углу — следы крови. Длинная цепочка круглых, лучи-

стых пятен. И мусорная корзина. Из нее свешивается серый рукав форменного комбинезона с нашивкой: «муниципальная собственность».

* * *

Возле картины «Скука» – парочка в леопарде. Не шкура, конечно: платье, лосинки, шарф. Они оборачиваются на звон колокольчика, меняются в лице и едва не переворачивают граненые стаканы с темно-красным.

В соседнем зале шумно,людно. Разноцветные фонарики, кости на веревках – как новогодние игрушки. Кости, кажется, искусственные, из тех, что в зоомагазинах продают. Хотя вон явно куриная...

Рыжая Иванна тоже в леопарде. Идет ей. Поправляет очки, смотрит на меня растерянно.

– Марта?

Снова звенит колокольчик. Максим хватает меня за руку.

– Пойдем отсюда, пойдем. Не надо!

И замирает. Смотрит туда же, куда и я – на заставленный круглый стол посреди зала. Ушки, пальчики – весь ассортимент.

Ладонь Максима становится холодной и мокрой, но он все так же повторяет:

– Не надо, пойдем отсюда, пойдем...

И мелькает пестрое, яркое. Шум. Смех. Досадливое: «Это же просто шутка! Это по приколу!» Грохот, звон посу-

ды. А потом крепкая рука на плече – больно. Темнота, прохладный ночной воздух. Вода в лицо. И голос Кости:

– Ну, успокоилась?

Когда я прихожу в себя неподалеку от входа в «Черную рыбу», внизу, в подвале, играет музыка, и снова шумно и весело, словно ничего не случилось. Пьют. Едят.

Там Лидка где-то, наверное. С ними.

– Спасибо, Костя, – негромко благодарит Макс. – Я бы сам не того...

– Домой ее, понял? Доедешь? – потом ругается и, слышу, кричит в сторону: – Эй, Соломин! Довезешь?

Перед лобовым стеклом вереницы огней. Я понемногу прихожу в себя.

И отчетливо вижу теперь перепуганное лицо Лидки, ее круглый ярко-красный рот.

Что же я там натворила? Перевернула, кажется, пару тарелок, что-то разлила... И ладно. Может, хоть кто-то из этих незамутненных с горящими взглядами, счастливых попасть в интеллигентное общество завсегдатаев «Черной рыбы», пошевелит мозгами, подумает о том, что он делает, к чему теперь будет «причастным»?

Хотя, кого я обманываю? Сейчас радостно пальчиками похрустят, кровушкой из граненых стаканов запьют и посмеются над «серыми и необразованными», которые не понимают их тонкого юмора.

И не подавятся же.

Плевать на них, если честно. Уже плевать.

– Я в этой части города не очень, – Соломин, невысокий светловолосый парень с конопатым носом, тычет в панель навигатора. – Адрес продиктуйте, пожалуйста!

Диктую. Навигатор прокладывает маршрут, сообщает приятным женским голосом:

– Через сто метров поверните налево.

– О, другое дело, – парень улыбается, но улыбка быстро сходит с его лица, и теперь он сосредоточенно смотрит на дорогу. – У вас кровь на рукаве, – бросает между прочим.

Кровь. Или вино цвета крови.

На заднем сидении тяжело вздыхает Макс, шуршит фантиком конфеты – его до сих пор мутит. А у меня неожиданно громко пищит коммуникатор.

– Марта, здравствуйте.

Это Аверина. В другое время я бы удивилась: звонит не на рабочий номер, на личный.

– Анна Юрьевна, Рика нашли.

– Нашли?

– Мы не успели. Его больше нет.

С Авериной станется заметить, что я говорю о Рике так, словно он был человеком. И хотя я готова сейчас накричать на любого, кто напомним об этом, но промолчу, наверное, а Анна Юрьевна будет права. И, в конце концов, жалеть скорее надо не Рика, а тех, кто считает все происходящее нор-

мальным.

Лидку вот. Оправдывается за меня сейчас, наверное. Дура.

Но Анна Юрьевна вздыхает в трубку:

– Понятно. – И я не слышу раздражения в ее голосе. – Я немного навела о вас справки и, знаете, так вышло, что обратиться я могу, наверное, только к вам. У меня плохие новости, Марта.

Огни красные и белые плывут перед глазами.

– Слушаю.

– Вы наверняка знаете, что в последнее время активно продвигается идея целевого выращивания гемодов, по типу фермерского хозяйства. Сегодня на совете директоров приняли окончательное решение, и, если будет подведена законодательная база, корпорация «Гемод» возьмется за этот проект. Это... немыслимо! Это низводит всю нашу работу на примитивный потребительский уровень!

«Через триста метров держитесь правее», – предупреждает навигатор.

– Но я ничего не могу сделать, Марта. Может быть, получится у вас?

«Через пятьдесят метров держитесь... Держитесь...»

«Пожалуй, да: я жалею, что для эксперимента выбрала брата. Гемоды с его воспоминаниями получились такие... Как бы это сказать? Жалкие. Вместо того чтобы понять

правила и приспособиться, они до последнего убегали в фантазии, говорили себе, что все происходящее – сон. А когда не получалось проснуться – умирали. Чтоб вы понимали: это дорогостоящее производство, и каждое изделие стоит баснословных денег. Проект оказался под угрозой.

К счастью, несколько образцов выжили.

На первый взгляд они ничем не отличались от остальных. Поначалу плохо владели телом, путались в ногах, натыкались на все углы. И, когда думали, что их никто не видит и не слышит, повторяли вот это: Алексей Аверин, двадцать восемь лет...

И кошмары у них были одинаковые на всех. Тела, готовые к пробуждению, находятся в капсулах, питательные вещества подаются по трубкам и в пищевод, и прямо в кровь. Продукты жизнедеятельности также выводятся через катетеры. Что любопытно: им всем потом эти трубки снились. Видимо, ощущение было очень ярким. Предположительно, потому, что это у них первое реальное ощущение, не из памяти Алексея – собственное.

Однако есть и куда более любопытные факты.

Например, образцы помнили себя еще до того, как мы поместили мозг в подготовленное тело. То есть мозг запоминал ощущения, транслируемые через датчики, а также получаемые, как это ни странно прозвучит, напрямую. В основном осязательные, конечно, однако наши опыты по раздражению центров удовольствия, страха и прочие им то-

же запомнились. Я подумываю о том, чтобы исследовать это явление отдельно, посвятить ему новый проект, и хотя с утилитарной точки зрения его ценность не столь очевидна для широкой общественности, надеюсь, мне выделят финансирование».

А. Ю. Аверина, из интервью

Часть вторая

Рик-2

Глава 1

По утрам уже холодно, по-осеннему промозгло. Но стоит подняться солнцу – и бабье лето в самом разгаре. Светится листва, облетает. Воздух совсем прозрачный, и все краски кажутся яркими. Модницы спешно выгуливают демисезонные наряды: пора этого вот «ни холодно, ни жарко» у нас мимолетна, не исключено, что уже завтра придется искать теплый свитер и куртку.

Шарфы нынче в моде – накрученные самыми разными способами.

И джинсы с дырками на коленях. Обтягивающие черные с небольшими разрезами и широкие голубые с целыми «окнами».

А еще в моде выглаженные волосы, пухлые губы и одинаковые темные брови. Лица не запоминаются. Фигуры не запоминаются. Уж очень все уникальны с этими одинаковыми дырками на коленях и бровями, словно нарисованными одной рукой.

Среди клиентов корпорации «Гемод» этих «уникальных»

немного – не всем средства или страховка позволяют завести универсального помощника.

Но, несмотря на дороговизну и кражи, популярность помощников растет.

Вахтер поднимает руку в знак приветствия. Солнечно, и у него хорошее настроение.

С Ольгой Дмитриевной сталкиваюсь в лифте. Она расплывается в улыбке:

– Доброе утро!

Остается лишь согласиться:

– Доброе.

А наверху меня встречает Макс. Он сегодня нарядный: рубашка в сине-зеленую клетку идеально выглажена, «стрелка» на светло-серых брюках аж топорщится, туфли начищенные блестят. И благоухает парфюмом. У него сегодня – последний рабочий день. Потом я его прикрываю, как до того он меня. Если вдруг начальство заметит: с Ольгой Дмитриевной договорились, оформим ему задним числом отпуск.

– Мы сегодня небольшую вечеринку устраиваем, – улыбается Макс. – Давно как-то гостей не было, а потом маленький родится, неизвестно, когда еще получится всех собрать. Придешь? Мариша очень просила. Ты подумай, а? – И, забежав вперед, распахивает передо мной дверь в кабинет. – А у меня хорошая новость!

Ну-ну. Вижу я эту новость: стандартные метр девяно-

сто два, сероватая кожа, темные глаза, неестественно белые, словно капроновые волосы. И форменный комбинезон с нашивкой «муниципальная собственность».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.